МОЯ
НЕИЗДАННАЯ
АВТОБИОГРАФИЯ

Я – КОКО ШАНЕЛЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Шанель совершила главное открытие XX века. Она открыла Женщину. Ее судьба уникальна. Ее высказывания – злые, умные, точные – это девиз каждого, кто называет себя Женщиной. Однако Шанель была так же далека от феминизма, как доморощенные альфа-самцы.

Это издание построено по очень удобной для читателя схеме. Афоризмы и цитаты великой Коко перемежаются с самыми интересными моментами ее биографии, что помогает лучше понять жизнь и принципы Шанель. Данная книга полезнее, чем психологический практикум и гид по стилю, интереснее, чем учебник истории XX века

- Я – Коко Шанель
  - ○

Я – Коко Шанель
Е. Мишаненкова (составитель)

Коко Шанель родилась во французском городке Сормюр, 19 августа 1883 года.

При рождении ее назвали Габриель – именем одной из принимавших роды монахинь, как она сама всегда рассказывала. Но вот можно ли ей верить? Коко Шанель сочинила о своей жизни столько мифов, что теперь далеко не всегда можно понять, что из ее рассказов правда, а что откровенная выдумка. Она изменила даже дату своего рождения и всегда утверждала, что родилась в 1893 году. В мемуарах, которые она надиктовывала Луизе де Вильморен и Марселю Эдриху, Шанель никогда не забывала упомянуть, что в 1908 году была еще совсем девочкой, или что в 20-е годы ей не было и тридцати.

Но сочинить легенду легче, чем ее поддержать, тем более в XX веке и тем более, если речь идет о Коко Шанель, интерес к которой со временем нисколько не угасает. Ее жизнь изучена досконально, вдоль и поперек, и хотя в ней все равно осталось немало загадок, дату рождения можно назвать точно и без малейших сомнений – 19 августа 1883 года.

Будущая королева моды появилась на свет в монастырском приюте. Родители ее – Альбер Шанель и Жанна Деволь – в законном браке не состояли, хотя у них уже был один ребенок, девочка по имени Джулия. Но легкомысленный авантюрист Альбер не торопился жениться, а безумно обожающая его Жанна готова была на все, лишь бы быть с ним рядом. И это не преувеличение – она всюду следовала за ним, мерзла, голодала, бралась за любую работу, терпела его измены, тяжело болела, но едва выздоравливала, как вновь спешила туда, куда дух бродяжничества и профессия ярмарочного торговца несли ее непутевого возлюбленного.

Я никогда не довольна собой. Почему я должна быть довольна всем остальным?

Все в наших
руках, поэтому
их нельзя опускать.

При регистрации Габриель Шанель в мэрии были поданы ложные сведения.

Делали это служительницы приюта, а не отец, который как всегда отсутствовал. Приличия ради, им удалось схитрить, и ее мать, Жанну, записали как «проживающую со своим мужем», а в качестве рода ее занятий указали торговлю, тогда как на самом деле она была поденщицей – приходящей служанкой, выполняющей тяжелую работу.

Где-то во время одной из поездок судьба столкнула Альбера Шанель с родственниками Жанны, которые на этот раз решили надавить на него и заставить наконец жениться. Кроме того, они убеждали его переехать в Курпьер, поближе к родне, и после долгих споров и выставления условий Альбер со скрипом, но

согласился. 20 мая 1884 года он сообщил в мэрию о смене места жительства, а в июле появилось и официальное оглашение его предстоящей свадьбы с Жанной.

По брачному договору Альбер получал за Жанной пять тысяч франков плюс личные вещи и мебель. Сумма эта была немалая, семье Деволь было нелегко ее собрать. Увы, эти деньги были вскоре растрачены на сомнительные предприятия, принесшие одни убытки. Но брачная церемония все же состоялась – 17 ноября 1884 года Жанна и Альбер наконец-то поженились и официально признали своих двоих детей, Джулию и Габриель.

Через несколько месяцев после свадьбы, в сентябре 1885 года, Альбер решил уехать из Курпьера. Верная Жанна последовала за ним. Так они и провели следующие десять лет – Альбера дух странствий носил с одного места на другое, а Жанна, едва успев родить очередного ребенка, спешила вслед за мужем. А Габриель вместе с братьями и сестрами провела детство у родственников матери в Курпьере.

Женщина перенесет все. Представьте себе мужчину, рожающего ребенка! Он уже никогда не оправится после этого. Мужчина пропадает, даже если у него всего лишь насморк.

Февральским утром 1895 года Габриель вошла в комнату матери и закричала от ужаса, увидев мать мертвой.

Постоянные недуги и нежелание лечиться свели Жанну в могилу в возрасте всего лишь тридцати трех лет.

Супруги Шанель с двумя старшими дочерьми жили в это время в Бриве – небольшом городке в паре сотен километров от Курпьера. Здоровье Жанны давно уже было подорвано частыми родами, постоянными переездами, тяжелой работой и главное – нуждой. У нее обострилась астма, потом к этому добавился еще и бронхит.

А легкомысленному Альберу уже так надоела и она сама,

рано постаревшая и увядшая, и ее навязчивая любовь, и ее слабое здоровье, что он все больше времени проводил подальше от дома, то есть подальше от жены, ее любви и ее раздражающего кашля. Не было его рядом, и когда она умерла.

Вернувшись из очередной поездки, Альбер оказался в сложной ситуации – он понятия не имел, что делать с оставшимися на его попечении пятерыми детьми. Дети были для него обузой. Да и новая жена ему была не нужна, он и на Жанне-то женился под нажимом ее родни. Нет, он не собирался терять наконец-то обретенную свободу.

Фактически, Габриель и ее братья и сестры потеряли сразу не только мать, но и отца.

Мужчина, как правило, становится привлекательнее с годами, в то время как его подруга приходит в негодность. Лицо зрелого мужчины намного красивее, чем лицо подростка. Возраст – это очарование Адама и трагедия Евы.

Коко Шанель выросла и получила образование в монастырском приюте.

Альбер попросту «распихал» сыновей и дочерей туда, куда их удалось пристроить.

Габриель, Джулию и Антуанетту Альбер пристроил с помощью своих родственников, которые были знакомы с попечителями сиротского приюта в Обазине. Туда-то – в монастырский сиротский приют – и отправили двенадцатилетнюю Габриель и ее сестер. Там же, кстати, воспитывалась и тетя Габриель – Адриенн, младшая дочь ее деда с бабушкой, с которой у них было всего пару месяцев разницы в возрасте. Она конечно была одной из платных пансионерок, но это не мешало ей подружиться с племянницами.

Коко Шанель никогда не рассказывала о жизни в приюте. Для своей официальной легенды она придумала себе двух теток, в чьем строгом, но приличном доме она якобы и провела несколько лет после смерти матери. И дело не в том, что в Обазине над нею жестоко издевались или морили голодом – нет, ничего такого не было. Просто переезд туда сделал ее в собственных глазах сиротой без роду без племени, человеком без семьи, нищенкой, живущей за счет чужой милости. От этого унижения она полностью так никогда и не оправилась.

Годы спустя, вспоминая свою жизнь, она скажет: «В двенадцать лет у меня отняли все. Я чувствовала, что я умерла».

Бог сделал мне большой подарок, позволив мне не любить того, кто не любил меня, и дал мне возможность игнорировать самую распространенную форму любви – зависть.

Свою легенду Габриель Шанель начала придумывать в двенадцать лет.

Полстолетия потом она ее дополняла и шлифовала, рассказывая с новыми и новыми подробностями, но началось все в 1895 году в монастырском приюте Обазина. Именно там родилась увлекательная сказка о Коко Шанель, сочиненная ею самой.

Сказка прежде всего об отце – красивом, веселом и конечно любившем ее больше всех остальных детей. О достойной и уважаемой жизни – в ее версии Альбер был не ярмарочным торговцем, а владельцем виноградников, а Жанна – не поденщицей, а богатой наследницей. О счастливом будущем – отец обязательно вернется из Америки, заберет их из приюта,

купит большой красивый дом, и там они все будут жить богато и счастливо.

Что же подтолкнуло ее к этим фантазиям, и почему они стали для нее настолько дороги, что даже став богатой и знаменитой, Коко Шанель не смогла или не захотела от них отказаться?

Возможно, ключ стоит искать в том, когда и кому она впервые стала рассказывать свою сказку. Ведь в пансионе жили не только сироты, принятые туда из милости, часть девочек была из состоятельных семей, и за их обучение платили деньги. Платные ученицы были лучше одеты, их лучше кормили, у них были лучшие комнаты – они были элитой пансиона, его «сливками». Но Габриель не хотела быть «хуже всех», и поскольку других возможностей подняться у нее не было, она стала доказывать, что это лишь игра случая, это временно, и скоро все изменится. Так и родилась ее легенда о состоятельном отце, уехавшем в Америку.

Чем хуже дела
у девушки, тем лучше она
должна выглядеть.

За исключением
материальных дел,
мы нуждаемся не в советах,
а в одобрении.

Держать в руках иголку Габриель Шанель научили в приюте. Но шить по-настоящему она так никогда и не научилась.

Парадокс – кутюрье, не умеющий шить. Но Шанель вся состояла из сплошных парадоксов.

Что должна была уметь женщина на рубеже XIX–XX веков? Прежде всего готовить и шить. Этому девочек и учили.

Джулия и Антуанетта быстро подружились с иголками и нитками, а вот у Габриель дело не ладилось.

Но конечно чему-то ее все же научили. Выйдя из пансиона, она умела все что надо раскроить, подшить, зашить, надставить, заузить, обшить и т. д. Но как только появилась возможность, сразу переквалифицировалась из портнихи в модельера. Она

считала, что работа модистки – это не обязательно сшивание нескольких кусков ткани, шить может и нанятая работница, а она может заниматься тем, что ей по душе – придумывать, фантазировать и творить.

С таким настроем она и шла по выбранной ею дороге. У великого кутюрье Коко Шанель основным рабочим инструментом была отнюдь не игла, а… ножницы. Моделируя платье на манекенщице, Шанель разрезала, закалывала, разрывала, укладывала складки, подкалывала, прикрепляла аксессуары.

В 1964 году на экспозиции в Лувре по поводу двухсотлетия Хрустального завода Баккара Шанель согласилась декорировать большой кубок. Мотивом она выбрала свои ножницы. «На пригласительном билете, – сказала она, – следует отметить, что мое единственное искусство состоит в том, чтобы с помощью этих ножниц резать, упрощать, в то время как другие все усложняют».

В семнадцать лет Габриель впервые устроила открытый бунт.

Как ни странно, подтолкнула ее к этому намного более терпеливая и рассудительная Адриенн – тетушка-подруга, с которой у Габриель было всего несколько месяцев разницы.

Началось все с того, что для Адриенн нашли подходящего мужа – состоятельного нотариуса. Такая партия для бесприданницы, пусть и красивой, была очень выгодной, но… в семнадцать лет девушки мечтают вовсе не о старых некрасивых женихах, пусть и с хорошим состоянием. Адриенн плакала, и Габриель ей предложила: уедем! И девушки сбежали из приюта.

Впрочем, убежали они недалеко – денег у них почти не было, конкретных планов тоже не было, поэтому довольно скоро им пришлось вернуться.

Тогда родственники нашли для «бунтарок» другой пансион – институт Богоматери в Мулене. Туда тоже брали на воспитание бедных девушек, за которых некому было платить, а после окончания обучения монахини даже помогали им находить работу.

Там Габриель пробыла около двух лет, которые показались ей вечностью – из монастыря воспитанниц выпускали только на мессу, да и то под присмотром – парами и в сопровождении монахинь. Жизнь кипела, но Габриель была надежно укрыта от нее за стенами пансиона. Она не раз рвалась все бросить и вновь сбежать, но рассудительная Адриенн ее удерживала, напоминая, что денег у них по-прежнему нет, значит побег все равно закончится также как предыдущий. И Габриель смирялась. До поры до времени.

Люди не умеют жить.
Их этому не учат.

Шанс – это моя душа.

Знаете ли вы женщин, которые не гонялись бы за заработком? Они возвращаются домой измученные, и им надо приготовить обед, и эти идиотки считают, что они счастливее своих матерей.

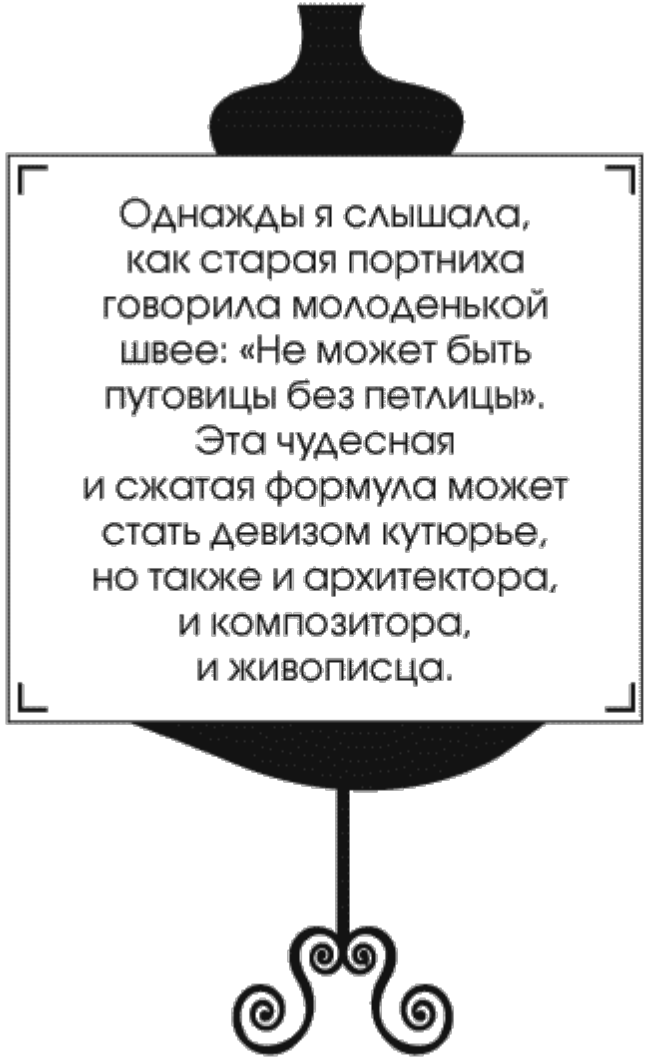
В 1902 году Габриель и Адриенн было около двадцати лет. Они наконец-то покинули обитель и начали самостоятельную жизнь.

Монахини института Богоматери, подыскали им работу. Габриель и Адриенн устроились продавщицами в магазин «Святая Мария», специализирующийся на продаже приданого для невест, а также всяких дамских мелочей вроде накидок, вуалеток и горжеток.

Поскольку девушки не были обделены ни вкусом, ни обаянием, да и языки у них были подвешены хорошо, от клиенток у них вскоре отбоя не было.

Вскоре стремление к независимости заставило Габриель гордо отказаться от предоставляемой хозяевами комнатки в мансарде и снять собственную комнату в одном из небогатых кварталов Мулена. Ее не остановило даже то, что Адриенн не решилась последовать ее примеру. Впрочем, та быстро заскучала в одиночестве и вскоре присоединилась к Габриель.

К тому же, будущая королева моды не довольствовалась работой в магазине. Она хотела куда большего, чем можно было приобрести на жалование продавщицы. Поэтому она начала втайне от хозяев выполнять частные заказы клиенток. Конечно, это означало, что приходилось меньше спать и все вечера корпеть над работой в своей комнате, но зато она понемногу копила кое-какие средства, а главное – у нее складывалась собственная клиентура, и перспектива потерять работу в магазине ее уже не пугала. Она и сама могла заработать себе на жизнь, без чьей-либо помощи. Для независимой Габриель это значило очень много.



Умела ли Шанель петь?

Ее друзья довольно ехидно говорили, что голоса у нее никогда не было. Но певицей она все же побыла и даже получила свой маленький кусочек популярности.

Кто подсказал Габриель мысль попробовать себя в качестве певицы? Возможно как раз кто-то из ухаживавших за ней офицеров, а может и сам директор «Ротонды» – популярного местного кафешантана. Габриель любила петь. И в Обазине, и в институте Богоматери она с удовольствием пела в церковном хоре. Ее приняли на работу певичкой второго плана. В то время было принято рассаживать в глубине сцены несколько элегантно

одетых девушек, изображающих дамский салон. Пока выступали «звезды», девушки делали вид, что разговаривают между собою, а в антракте исполняли свои куплеты, чтобы публика не скучала, дожидаясь настоящих артистов. Такие певички не получали гонораров, а проходили после своего выступления между столиками и собирали чаевые.

Вскоре Габриель втянула в это и Адриенн. Успех у них был большой – офицеры хлопали им куда больше, чем профессиональным певицам. Но за это пришлось заплатить репутацией. О новых любимицах публики начали сплетничать, распускать оскорбительные слухи, проходиться по поводу их внешности – худенькую Габриель, например, прозвали «голодающей из Индии». Вскоре слухи о том, чем занимаются недавние пансионерки, дошли и до владельцев магазина «Святая Мария». Те конечно вознегодовали – в их приличном заведении, находящемся под патронатом монастыря, работают кабацкие певицы! Габриель и Адриенн были тут же уволены.

Для кого-то это стало бы трагедией, но Габриель трудности лишь побуждали двигаться вперед. Она закрыла этот этап своей жизни и подписала предложенный ей годовой контракт с «Ротондой».

Если ты рожден
без крыльев, не мешай им
расти.

Если вы хотите иметь то,
что никогда не имели, вам
придется делать то,
что никогда не делали.

Когда Габриель Шанель превратилась в Коко?

Сама она утверждала, что так ее называл отец. Он не присутствовал при ее крещении, и выбор имени ему не понравился. «Отец до смерти боялся, что меня будут называть Габи, – рассказывала Шанель. – Он называл меня «маленькая Коко». Ему не нравилось имя Габриель – не он его выбрал. Вскоре «маленькая» исчезло, и я стала просто Коко. Это смешно, я бы очень хотела избавиться от этого имени, но мне так это никогда и не удается». Маленькая Коко – Petit Coco, что означает «цыпленочек», и правда, почему бы отцу не называть так любимую дочурку.

Но увы, и это всего лишь часть легенды – все той же прекрасной сказки о любящем отце, уехавшем в Америку. Прозвище Коко Габриель получила в Мулене, когда была певичкой в «Ротонде».

Ее репертуар был невелик, всего несколько несложных песенок, среди которых наибольшей популярностью поначалу пользовалась «Ко-ко-ри-ко», модная в парижских кафешантанах и поэтому всегда принимаемая на ура в провинции. И хотя эта песенка была сложновата для слабого голоса Габриель, публика все равно очень любила ее исполнение и каждый раз вознаграждала бурными аплодисментами.

Но по-настоящему судьбоносной стала для нее грустная песенка «Кто видел Коко в Трокадеро?», о горе юной девушки, потерявшей в парке свою любимую собачку. Габриель вызывали на бис, хлопали, просили спеть еще и еще. Габриель не была великой певицей, да и в песенке не было ничего гениального, но это был тот редкий случай, когда песня и исполнительница нашли друг друга – успех был необычайный для «Ротонды».

Вызывая Габриель с этой песенкой на бис, публика дружно скандировала: «Ко-ко! Ко-ко!» Так к ней и прицепилось это прозвище, оставшееся с ней на всю жизнь.

В 1907 году в жизни Коко Шанель произошел крутой поворот. Она покинула Мулен и поселилась в Руалье – поместье богача, спортсмена и любимца дам Этьена Бальсана.

Вернувшись из Виши, Коко увлеклась конным спортом и крепко подружилась с Этьеном Бальсаном – он служил в кавалерийском полку в Мулене и был одним из ее поклонников. Он стал одним из первых, кто оценил ее яркую личность, и даже когда их пути разошлись, еще долго оставался ее верным другом.

Этьен был богат и популярен, любовниц у него была целая коллекция, в Руалье царствовала не Коко, а блистательная Эмильенна д'Алансон – одна из самых знаменитых куртизанок того времени. Но ни та, ни другая, ни какая-либо еще женщина не была для Этьена единственно важной и дорогой, и Габриель с Эмильенной обе это хорошо понимали, что возможно и помогло им сдружиться.

Интересно, что Этьен Бальсан никогда и нигде, даже спустя много лет, не говорил о Габриель как о своей любовнице, как и

она в свою очередь всегда называла его всегда только прекрасным товарищем. Несомненно, их связывали отнюдь не платонические отношения, но не секс был для них обоих важнее всего, а их дружба и взаимопонимание.

В Руалье у Коко вновь проявилась страсть к моделированию одежды и головных уборов.

Правда, теперь она занялась этим не ради денег, а скорее ради развлечения. Все же, ленивая праздная жизнь была не для нее.

Началось с того, что она решила придумать для себя удобный костюм для верховой езды. Она смирилась с тем, что приличия ради надо ездить в седле по дамски, но носить эти ужасные

асимметричные (что в ее глазах было настоящим преступлением) амазонки она не собиралась. К тому же, оригинальный, не похожий на другие костюм должен был помочь ей стать не похожей на крутящихся вокруг Этьена и его друзей кокоток. Она ни в коем случае не должна была с ними ассоциироваться, ни за что!

В итоге она стала выезжать в костюме цвета морской волны, похожем по фасону на форму, в которой ходили воспитанницы пансионов. А на голову надевала маленькое круглое канотье с узкими шелковыми лентами. И первый, но далеко не последний раз в своей жизни позаимствовала идею из мужского гардероба – стала носить мужские рубашки, галстуки и спортивные манто.

Сначала ее называли чудачкой, потом стали соглашаться, что в ее нарядах есть какой-то особенный шик, а потом дамы из компании Бальсана одна за другой принялись просить ее сделать и им такие же шляпки. Но вслед за успехом как обычно пришло и разочарование – вскоре Коко с раздражением увидела, что ее прелестные канотье «доработали» и разукрасили перьями, розами, эгретами, а то и вовсе фигурками птиц. Увы, она слишком опередила свое время, в 1907 году дамы еще не были готовы к элегантной простоте, которая впоследствии так прославит ее модели.

В Руалье Коко впервые влюбилась.

Объект ее чувств звался Артуром Кейпелом, но все называли его «Бой». И был он весьма неординарной личностью. Даже происхождение его было покрыто тайной. Ходили слухи, что он незаконный сын какого-то то ли банкира, то ли аристократа, то ли политика, а то и вовсе короля Эдуарда VII. Образование он получил блестящее и был на дружеской ноге с самыми знатными и влиятельными персонами Англии и Франции. Благодаря расположению Жоржа Клемансо, премьер-министра Франции в 1906–1909 и 1917–1920 годах, Кейпел сделал огромное состояние во время первой мировой войны. Впрочем, он был богат и прежде,

просто война сделала его еще богаче. Кроме того, в отличие от Бальсана и его друзей Бой интересовался не только лошадьми и женщинами – он был очень начитан, увлекался философией и политологией.

Бой Кейпел и Коко встретились на охоте в По, куда она приехала с компанией Этьена Бальсана. Она влюбилась в него с первого взгляда. «Он был не просто красив, он был великолепен! Мне нравилась его беспечная манера, его зеленые глаза. Он садился на самых норовистых лошадей и был очень сильным. Я в него влюбилась… Он читал, писал книги, делал деньги и находил время заниматься мной».

«Я смогла открыть свой магазин, потому что двое мужчин

сражались за мою скромную персону», – это фраза самой Коко, но сколько в ней правды, вот вопрос.

Хотя одно несомненно – чтобы начать свое дело, она воспользовалась помощью и Бальсана, и Кейпела. Впрочем, зачем ей это нужно, понимал лишь второй из них.

Этьен Бальсан был щедрым и даже благородным человеком, но слишком поверхностным и слишком беззаботным, чтобы серьезно отнестись к ее «причуде». Как бы то ни было, он предоставил Коко свою квартиру на бульваре Малешерб, в которой давно не жил, и разрешил использовать ее, как будет угодно.

И вот весной 1909 года Шанель обосновалась в Париже. Для практической части работы она наняла Люсьен Рабате – амбициозную и талантливую модистку, ну а для работы с клиентами пригласила свою младшую сестру Антуанетту.

Строгие элегантные головные уборы, лишенные модной тогда вычурности, сразу обращали на себя всеобщее внимание, чего каждая молодая дама конечно и добивалась.

Но по-настоящему фирма Шанель родилась в 1910 году.

Все, что было до этого, было наполовину хобби, наполовину что-то вроде подпольной подработки Габриель и Адрианн в те времена, когда они были продавщицами в магазинчике приданного. Деньги приносит – да, но лишь деньги, а Коко жаждала престижа, славы, признания ее таланта. Она хотела открыть собственную фирму и повесить на дверь вывеску со своим именем, чтобы стать ровней всем мужчинам-модельерам Парижа. Но для этого требовались слишком большие деньги, которых у нее пока не было. А ждать она не хотела.

И тут неожиданно заартачился Бальсан. Когда она попросила у него в долг денег, он категорически заявил, что не ссудит ей ни франка.

Закончилось, впрочем, все тем, что Этьен нашел для себя наиболее красивый выход – он просто уступил Коко Бою. Как джентльмен джентльмену. А поскольку мелочным он не был, квартиру на улице Малешерб он забирать не стал, и Шанель по-прежнему могла ею пользоваться. Вероятно, такое дружеское расставание устраивало всех троих.

А открыть собственное дело Коко помог конечно Бой. Осенью 1910 года он открыл в банке на ее имя кредит, и она смогла снять большую квартиру на втором этаже дома номер 21 по улице Камбон, параллельной улице Руаяль, то есть в самом центре Парижа. Около входа повесили табличку: «CHANEL MODES».

Он находил время, чтобы
заниматься мною и чтобы
изменять мне каждый день.

Коко выплатила кредит, открытый для нее Боем, уже год спустя, и наконец-то осуществила свою мечту – стала свободной и независимой.

Но это только с виду кажется, что все далось ей легко, на самом деле ей пришлось не только много работать, но и менять собственный подход к жизни.

Дела у «Chanel Modes» шли прекрасно… то есть, Коко так думала. А потом Бой осторожно упрекнул ее в том, что она превысила кредит в банке. И только тогда она узнала, что тратит не свои, а его деньги, то есть все тот же кредит, который он открыл для нее, чтобы она не была стеснена в средствах, пока ее

предприятие будет набирать обороты. Для Коко это было ударом. «Я смотрела на красивые вещи, купленные на деньги, которые, как мне казалось, я заработала, – рассказывала она потом. – А, оказывается, за все платил он! Я жила за его счет! Я готова была возненавидеть его».

На следующий день она велела принести ей бухгалтерские книги и принялась их изучать. Хоть она и была дочерью торговца и потом много вращалась среди торговцев, но дебет, кредит, торговый оборот, инвестиции, себестоимость и тому подобное были для нее лишь мудреными словами. Но Коко не стала бы той Шанелью, которую знает весь мир, если бы отступала перед препятствиями. Она быстро всему научилась, хотя из кокетства всю жизнь говорила, что так и не выучилась считать. С того дня она вникала во все и руководила не только творческой, но и коммерческой стороной своего дела.

Через год залог, внесенный Боем, стал не нужен, и он смог забрать назад акции, отданные банку в качестве гарантии. «Chanel Modes» превратилась в прибыльное предприятие.

Мужчина, способный
на поступки, обречен
на то, чтобы его любили!

Счастье заключается
в осуществлении своего
замысла.

Кроме поддержки в делах, Бой оказал Коко еще одну большую услугу. Он вывел ее в свет.

Нет, не в высший – туда путь бывшей содержанке конечно был заказан… до поры до времени. Но у Боя Кейпела были знакомства и в другой среде, и даже более интересной – артистической.

Он уже давно высказывал сожаления по поводу того, что у Коко нет достойных подруг. А поскольку сама она не слишком любила заводить новые знакомства, он стал водить ее в театры и знакомить с известными актрисами, в том числе с Габриель Дорзиа и Мартой Давелли, ставшими для Коко хорошими

подругами.

Кстати, близкое знакомство с театром всколыхнуло в ней и давнюю любовь к музыке. Конечно, Шанель уже оставила мечты стать знаменитой певицей, но петь все равно любила и всю жизнь напевала во время работы отрывки из оперных арий. Еще она увлеклась танцем, и не просто так – в то время искусство танца переживало свой расцвет, движениями и жестами выражали целые философские учения. Но танцевальных талантов у нее не было, поэтому немного поучившись, Коко потеряла интерес и к ритмической гимнастике, и к танцам. Но это был полезный опыт, ставший хорошим дополнением к тому, чему учил ее Бой.

А он учил свою возлюбленную внимательно читать, видеть, мыслить, понимать, помогал ей расширять кругозор. Без него Коко вряд ли стала бы той внимательной, тонко чувствующей Шанелью, королевой моды и королевой идеального вкуса, которую мы знаем. Именно он был тем ювелиром, который сделал из алмаза совершенный бриллиант, огранив и отшлифовав ее незаурядную натуру.

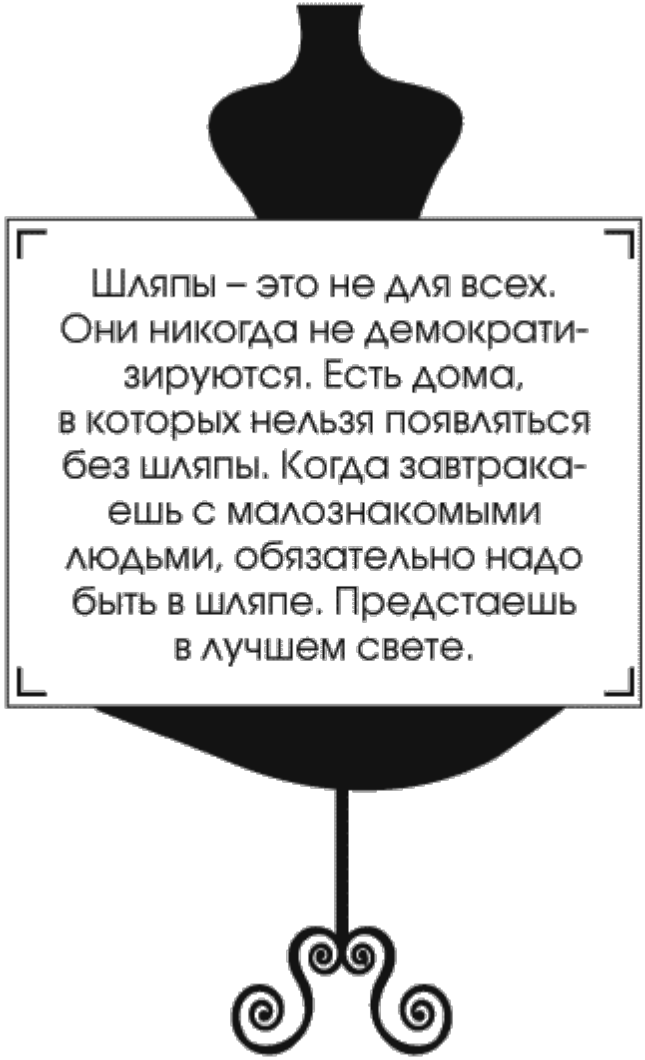
В 1912 году к Коко наконец-то пришел настоящий успех – ее имя теперь было знакомо не только узкому кругу ее друзей и приятелей, а приобрело широкую известность.

«Мод», одна из самых популярных французских газет, написала о ней хвалебную статью и отвела несколько страниц под фотографии дам в шляпках работы Шанель. Среди них были как ее подруги Габриель Дорзиа и Женевьева Викс, так и другие известные актрисы и певицы.

Это было фактически официальное признание – прошли времена, когда о Коко узнавали лишь по «сарафанному радио», теперь она по праву считалась известным модельером… правда, пока только шляп. Но только пока.

В том же году Шанель осуществила еще один прорыв – ей удалось пробиться в театральные модельеры. Наряды, в которых актриса играет на сцене, видит весь Париж, лучшей рекламы и придумать нельзя, поэтому неудивительно, что все модельеры стремились сотрудничать с театрами. И вот успех Коко – Габриель Дорзиа, игравшая в спектакле «Милый друг» Мадлену Форестье (а это главная женская роль в спектакле), выходила на сцену в платьях от Дусе и шляпках от Шанель.

И это тоже было только начало – в дальнейшем Коко предстояло создавать костюмы для спектаклей великого Жана Кокто и для голливудских фильмов. В 1912 году все это было еще впереди, однако первый шаг был сделан.


Шляпы – это не для всех.
Они никогда не демократизируются. Есть дома,
в которых нельзя появляться
без шляпы. Когда завтракаешь с малознакомыми
людьми, обязательно надо
быть в шляпе. Предстаешь
в лучшем свете.

Летом 1913 года Коко сделала новый шаг на пути к тому, чтобы превратиться в легендарную Шанель, которую мы знаем. Она занялась моделированием одежды.

Началось все с того, что они с Боем Кейпелом поехали в Довиль. Это была идея Кейпела, он считал, что на курорте ей будет проще завязать приятельские отношения со многими важными персонами. Все же на отдыхе люди более демократичны и открыты для общения. А уж продолжить эти знакомства в Париже труда не составит.

Он же предложил Коко открыть филиал ее магазина в Довиле, там и конкуренция меньше, и публика готова тратить

деньги – можно приобрести новых клиентов, которые потом придут к ней и в Париже. Кроме того, простой и элегантный стиль ее моделей на курорте должен был иметь больший успех, чем в столице, где правила, снобизм и рамки этикета не слишком позволяли распространяться новым веяниям.

Вскоре на улице Гонто-Бирон, рядом с модными отелями, появился элегантный бутик со шторами в черную и белую полоску и вывеской Шанель. Бой оказался прав – от клиентов не было отбоя, и тогда Коко решила рискнуть: кроме шляп она вывесила в витрине несколько женских нарядов из числа тех, что она придумывала для себя.

Откуда она брала идеи, есть много легенд. Что из них правда, а что выдумка, за давностью лет уже трудно определить, но вот что говорила сама Шанель о том, как ей пришла в голову идея первого платья из джерси: ««Однажды я надела мужской свитер. Просто так, потому что мне стало холодно. Это случилось в Довиле. Я подвязала его платком на талии… и никто не заметил, что на мне мужской свитер».

Именно в Довиле Коко поняла одну важную вещь, ставшую в итоге залогом ее успеха. Мир изменился, женщины изменились, а мода – нет. Поэтому будущее за теми, кто сумеет изменить моду, сделать ее современной.

До Коко Шанель моды для досуга фактически не существовало. На курорте одевались так же, как в Париже. «Женщины приходят на спортивные состязания одетые, будто дамы XV века на рыцарских турнирах», – говорила Шанель, и она нисколько не преувеличивала.

И вот тут на сцену вышла Коко Шанель. Коко пригласила в Довиль свою подругу-тетушку – красавицу Адриенн, а потом и свою младшую сестру Антуанетту. И три прелестные дамы в нарядах от Шанель каждый день отправлялись на прогулку по

городу, каждый раз в новом наряде – ведь к их услугам был весь магазин Коко с новыми моделями. Успех был огромных, во всем Довиле только и говорили о трех сестрах Шанель (все принимали Адриенн за сестру Коко, а не за тетю), и конечно продажи росли с каждым днем. Начало перевороту в моде было положено!

В Довиле Коко заметил чрезвычайно опасный, но при этом и чрезвычайно полезный человек – знаменитый карикатурист, вошедший в историю под псевдонимом Сэм.

Кокто писал о нем: «Он напоминал жалящее насекомое. Плохо выбритый, весь в морщинах, он постепенно осваивал все

привычки преследуемых им жертв. Казалось, что его руки, карандаш, круглые очки, листы бумаги, которые он перемешивал и перекладывал, пряди его волос, его зонтик, маленькая фигурка, как у жокея – все съеживалось и собиралось вокруг его желания ужалить». Когда Сэм выходил на «охоту», дамы, да и кавалеры, не без оснований начинали паниковать.

Его любимой темой был женская мода, конечно в Довиле он не мог не обратить внимания на Шанель с ее неожиданными идеями. И на ее счастье, она и ее идеи Сэму понравились.

К весне 1914 года Сэм подготовил серию альбомов под названием «Истинный и фальшивый шик», где отнес работы Шанель к истинному шику. Что, впрочем, не оградило ее от его жалящей насмешки – Сэм нарисовал карикатуру на них с Кейпелом, где Бой был изображен в виде кентавра, танцующего с худенькой дамой. А чтобы ни у кого не осталось сомнений, кто эта дама, у нее на локте висела шляпная коробка с надписью «Коко».

Коко Шанель никогда не была баловнем судьбы… за редкими исключениями.

Чтобы чего-то добиться в жизни, ей приходилось очень много работать, рисковать, экспериментировать, ошибаться, снова много работать, переживать потери и поражения, и снова работать, работать и работать.

Но были и случаи, когда ей просто везло. Нечасто, но капризная фортуна все же делала ей подарки. Одним из них стала ссора баронессы Ротшильд с ее кутюрье – великим Пьером Пуаре, идейным врагом Шанель, против стиля которого Коко воевала всю жизнь.

Случай этот был буквально анекдотический. Баронесса пожелала заказать себе новый летний гардероб, но ехать в ателье и смотреть модели там то ли посчитала ниже своего достоинства, то ли ей просто не захотелось. Во всяком случае, она пожелала, чтобы Пуаре прислал манекенщиц к ней домой, чтобы они прямо там продемонстрировали ей новые наряды. Девушки приехали, но встретили довольно странный прием – баронесса разглядывала наряды, а ее гости нахально и хамовато шутили, смеялись и громко обсуждали внешность манекенщиц.

Пуаре был оскорблен до глубины души, причем настолько, что когда баронесса Ротшильд все же изволила приехать к нему в ателье, он ее безо всяких церемоний выставил за дверь. Теперь уже оскорбилась баронесса и в пику ему решила обратиться к Шанель, которая была известна ей как ярая противница Пуаре и его стиля в моде. Мстительная дама не только заказала у Коко летний гардероб, но и направила к ней своих богатых и знатных подруг. Светские львицы стали заказывать наряды, деньги потекли рекой, стиль Шанель становился все более и более модным.

Слабым головой
свойственно хвастаться
преимуществами,
которые способен дать
нам только случай.

В области моды только
глупцы никогда не меняют
своих взглядов.

По-настоящему состоятельной Коко Шанель сделала война.

В июне 1914 года, когда прозвучал выстрел в Сараево, цвет парижского общества был на курорте в Довиле, а следовательно там была и Коко. И сначала она, как и многие другие, не придала большого значения событиям где-то далеко на востоке. Общество лишь слегка всколыхнулось и продолжало жить по-прежнему – развлекаться, отдыхать и покупать новые наряды.

А дальше было отступление, Пограничное сражение, поражение французской армии при Шарлеруа и массовое бегство парижан в Нормандию, то есть в основном все в тот же Довиль, где многие столичные богачи имели виллы. Фактически, там

собрался весь цвет аристократии и парижской богемы.

И оказалось, что единственный модный магазин в Довиле, который не закрылся и продолжал работать – это магазин Шанель. У парижских дам не оказалось выбора – нравится или нет, других кутюрье поблизости все равно не имелось, приходилось одеваться у нее. Денежный ручей превратился в полноводную реку, а пропагандируемый Коко стиль одежды из эксцентричного и оригинального превратился в господствующий.

После победы на Марне паника прекратилась и немного успокоившиеся парижане стали возвращаться из Нормандии в Париж. Туда же уехала и Коко, поручив магазин в Довиле помощнице. Сама же она вновь занялась своим ателье на улице Камбон, куда теперь приходили многие из тех дам, что по доброй воле или вынужденно одевались у нее в Довиле и успели оценить изящество и удобство ее моделей.

Возможно, деньги –
это проклятье. Но разве
наша цивилизация не сто-
ит на моральной концеп-
ции зла? Без первородного
греха не было бы религии.
Именно потому, что деньги
прокляты, их нужно тратить.

Война – это всегда перелом во всем: в быте, морали, взглядах, традициях и конечно в моде. А никто не умел так же хорошо чувствовать дух перемен, быстро ориентироваться в них и приспосабливаться к новым условиям, как Коко Шанель.

Новые условия требовали новую одежду, и дамы пошли в магазин Шанель не только потому, что им были нужны новые наряды, а скорее потому, что им была нужна другая одежда, не похожая на все то, что было в их гардеробах.

Простые удобные наряды, недавно изобретенные Коко, были теперь упрощены ею еще сильнее, со шляпок убраны все украшения.

Коко разработала и сшила изящные удобные блузки и головные уборы – по-монашески скромные, но элегантные, в таких ни одной светской львице не было стыдно показаться на людях.

Сама она, кстати, никогда не работала в госпитале, да и скорее всего, ни разу туда даже не заглядывала. Чем это объясняется? Возможно, она не желала встретить там старых знакомых, которые помнили ее – восходящую звезду мира моды – певичкой в кафешантан. А может быть, у нее просто не было времени, ведь у ее ателье было так много работы, что ей пришлось нанять дополнительных работниц.

Увлекаются не модой,
а теми немногими,
кто ее создает.

Летом 1915 года Шанель еще больше расширила свое предприятие, и опять ей в этом сильно помог Бой Кейпел.

В июле 1915 года его по протекции Клемансо назначили членом французско-британской комиссии по ввозу угля во Францию.

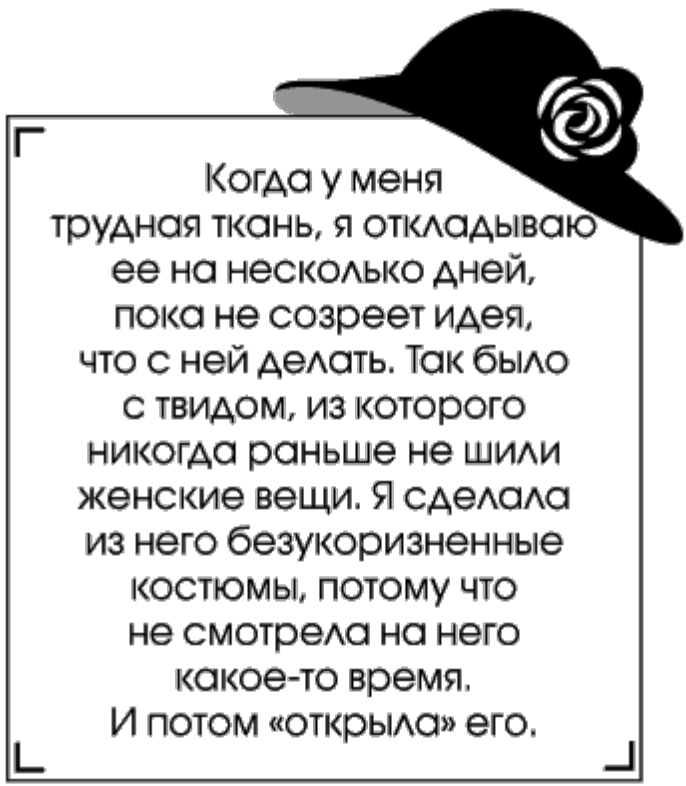
Прежде чем приступить к работе, Бой взял несколько дней отпуска, чтобы отдохнуть с Коко в Биаррице.

И вот во время отдыха Кейпел предложил Коко открыть филиал ее магазина и здесь, в Биаррице. Преимуществ у этого курорта было еще больше, чем у Довиля – тоже много богачей, но зато война далеко, поэтому все больше думают не о ней, а о

развлечениях и нарядах. К тому же, рядом не воюющая Испания, где можно закупать ткани, расходные материалы и аксессуары.

Деньги на открытие нового магазина Шанель тоже дал Бой – в долг, разумеется, иначе она бы не взяла. Она сняла в Биаррице большую виллу «Де Ларральд», рядом с казино, где всегда было много богатой публики, набрала работниц и модисток, оборудовала мастерские и зал для клиентов, и к началу сентября магазин был готов к открытию.

Бой как обычно оказался прав – ателье в Биарицце сразу же стало процветать. Испанские аристократки не хуже французских оценили легкие современные наряды от Шанель. Количество заказов росло с каждым днем, и вскоре даже тех шестидесяти работниц, что наняла Коко, стало не хватать. Но к зиме Шанель наладила дело достаточно хорошо, чтобы передать его в управление Антуанетте, а самой вернуться в Париж.



Коко Шанель не любила быть должной никому. Даже самым близким людям.

Дела процветали и в Париже, и в Довиле, и в Биаррице, и вот наконец в один прекрасный день Шанель решила провести ревизию всех своих доходов и расходов, чтобы понять, в каких именно цифрах выражается ее процветание. Бухгалтер без возражений дал отчет и предоставил ей все бумаги, да еще и добавил от себя, что за последнее время они заработали столько, что сейчас могут не опасаться никаких потрясений и кризисов.

Но Коко хоть и научилась управлять бизнесом, в отчетной документации, столбиках цифр и бухгалтерских терминах все равно разбиралась слабо. А может просто и не хотела разбираться – она всегда считала, что каждый должен заниматься своим делом, и что не для того она платит зарплату специалистам, чтобы самой все уметь и во все вникать. Поэтому и сейчас она предпочла обойтись без деталей и спросила конкретно – какую сумму она может снять со счета, чтобы это не повредило бизнесу?

Бухгалтер озвучил ей примерную цифру, и Коко глубоко задумалась. Дело в том, что как раз столько и даже чуть поменьше ей ссудил Бой Кейпел, чтобы она начала свое дело. Выходит, она все отработала, и теперь имела возможность вернуть ему эти деньги, да еще и с процентами. Конечно, он этого не требовал, да наверное и не ждал, но… это было нужно ей самой.

И она перевела на его счет все, что была ему должна. С процентами. И даже не поставила его об этом в известность – о поступлении денег ему сообщили из банка. Хотела она увидеть реакцию Кейпела или считала, что он не примет деньги, если его не поставить перед фактом? Об этом знала только сама Коко.

Как Шанель создавала свой стиль? Очень просто, как и рождается все гениальное – она придумывала одежду для себя.

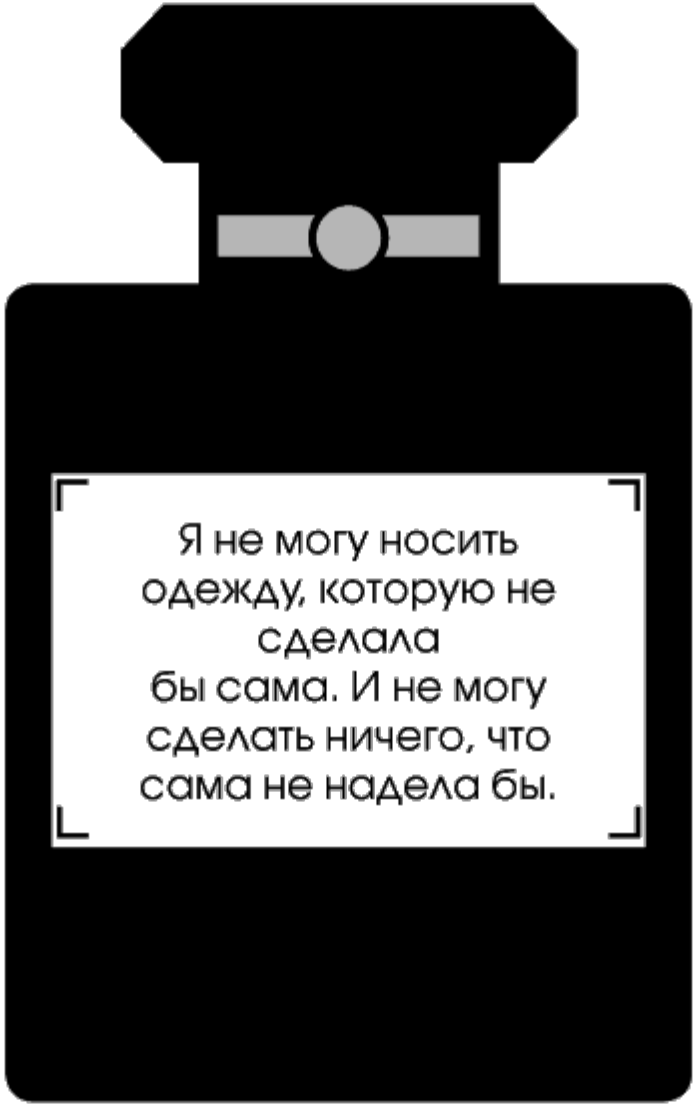
Свою немодную в то время худобу она искусно маскировала плавными обтекаемыми формами своих нарядов. Вместо облегающей одежды она стала делать одежду, которая драпировала фигуру, скрывала недостатки и не сковывала движения. Красиво, удобно, современно – вот что всегда можно было сказать о ее моделях.

А роскоши и подчеркнутой женственности Коко объявила настоящую войну. Корсеты и подметающие землю неудобные юбки – это прошлое. А за какой одеждой будущее? Видимо за той,

которая не будет мешать женщинам жить, работать и развлекаться наравне с мужчинами. И найти ее можно как раз у мужчин.

Вот она и наряжала женщин в свитера, пуловеры, жилеты, шила дорогие модные наряды из считавшегося плебейским трикотажа. «Рубище для миллиардерш» – язвительно обозвал ее модели Поль Пуаре. Но самые элегантные дамы их охотно покупали и носили на зависть и удивление другим модельерам.

Кстати, следуя все тем же курсом, она сделала еще один очень важный шаг – укоротила платья. Конечно, это была не мини-юбка, до появления которой оставалось еще несколько десятилетий, созданные Коко наряды всего лишь открывали щиколотку, но для того времени это было очень смело. Почти революция в мире моды!


Я не могу носить
одежду, которую не
сделала
бы сама. И не могу
сделать ничего, что
сама не надела бы.

Хорошо скроенное
платье идет любой
женщине. Точка!

Знаменитую идею шить одежду из джерси Коко подсказала война.

Зимой 1916 года хорошая материя стала большим дефицитом, модельеры начали искать способы ее откуда-нибудь добыть, а Коко со свойственным ей умением неординарно мыслить, начала искать новую ткань, из которой тоже можно было бы шить интересные модели.

И конечно она нашла – у некого текстильного фабриканта Родье оказалась большая партия джерси (трикотажа из шерстяных, хлопчатобумажных, шелковых или синтетических нитей). Коко углядела в ней большие возможности и не только купила всю партию, но и заказала новую. Она сшила себе строгий простой ансамбль, чтобы как обычно на своем примере показать дамам, как хороша и удобна ее новая модель. Однако кое в чем Родье оказался прав – из джерси никак не удавалось выкроить изящную приталенную куртку-труакар, ткань некрасиво топорщилась и совершенно не желала элегантно облегать фигуру.

Но разве такая мелочь могла помешать Коко Шанель? Она просто отказалась от талии и сделала труакар прямым, а пояс поместила на бедрах.

Новый силуэт за короткий срок приобрел много поклонников, и в том же году на страницах журналов появились изображения элегантного платья без талии с шарфом на бедрах и жилетом на манер мужского. «Платье в стиле сорочки от Шанель», как его называли американские журналисты, быстро завоевало весь мир, а Родье, уже не споря, начал производство новой большой партии джерси – теперь этой ткани и правда требовалось очень много, работницы Коко вновь были завалены заказами.

Шанель сделала в одежде главным не отделку, а силуэт.

Женщина от Шанель – это не статуя. Ее платье создано для того, чтобы в нем ходить, бегать, ездить верхом, танцевать и даже ездить на велосипеде, а вовсе не для того, чтобы красиво стоять или семенить мелкими шажками.

«Я вернула женскому телу свободу», – говорила она, и это было чистой правдой. Она избавила женщин от корсетов и кружевных нижних юбок, одела их в струящиеся элегантные наряды, не сковывающие движения, укоротила юбки, чтобы удобно было давить на педаль газа или взбираться по ступенькам автобуса.

Новое время, новый силуэт, новая женщина.

Мода – это иллюзия, что появилась новая женщина, соответствующая своей эпохе.

В марте 1917 года Коко изобрела прическу, мода на которую не закончилась и по сей день.

Волосы у нее всегда были хороши – длинные, темные, густые. Она обычно заплетала их в косу и красиво укладывала на голове. Но в один прекрасный день вдруг явилась в Оперу… коротко остриженной.

Это была сенсация, взрыв, переворот. Стриженная женщина – это же нонсенс! До тех пор все законодательницы мод, пытавшиеся сделать популярными короткие стрижки, терпели неудачи. Что поделать, в их время общество не было к такому готово. А Коко Шанель как обычно сумела почувствовать момент, сумела понять, что сейчас нужно женщинам, и дала им это.

Конечно, история о том, как она остригла волосы, окружена легендами. Коко всегда любила создавать вокруг себя легенды. Вот и тут она рассказала, что дескать прямо перед тем, как ей надо было ехать в Оперу, у нее дома взорвался газовый водонагреватель, и волосы то ли обгорели, то ли перемазались в саже – версии расходятся, потому что сама Шанель не раз рассказывала разные варианты этой истории. В общем, в

результате этого взрыва ее волосы якобы стали ужасно выглядеть, и она их попросту обрезала.

Стрижка вошла в моду практически мгновенно. Прошло буквально несколько дней, и коротко стриженая женщина из диковинки превратилась в совершенно обычное явление.

У моды две цели: удобство
и любовь. А красота
возникает, когда мода
добивается этих целей.

В мае 1917 года в жизни Коко произошло событие, значимость которого она оценила далеко не сразу – на обеде у знаменитой актрисы Сесиль Сорель ее познакомили с Мисей Годебска.

Спустя много-много лет именно о ней Шанель скажет: «У меня в жизни была одна-единственная подруга»…

Мися Годебска была личностью незаурядной – дочь знаменитого польского скульптора, красавица и талантливая пианистка, она была музой великого Ренуара, королевой парижской богемы и главной помощницей Дягилева в его устройстве знаменитых «Русских сезонов». Они с Коко сразу были очарованы друг другом, и на следующий же день Мися поспешила в ее бутик на рю Камбон, продолжить приятное знакомство. Их вторая беседа закрепила первое впечатление, и теперь уже

Шанель пригласила прекрасную польку к себе и даже познакомила с Боем Кейпелом.

Роль Миси в жизни королевы моды трудно переоценить. Она обожала Коко и сделала для нее то, что хотел, но не слишком старался сделать Бой – ввела ее в круги высшего общества и познакомила с лучшими и знаменитейшими представителями богемы того времени. Мися научила ее понимать и чувствовать искусство, она открыла своей новой подруге Стравинского, Пикассо, Дали, Нижинского, Дягилева, Кокто… Она помогла ей стать частью новой современной культуры и одним из ее творцов.

Шанель в старости признавалась: «Не будь Миси, я так и умерла бы полной идиоткой»…

В годы войны слава Коко наконец-то шагнула и за океан.

В 1915 году журнал «Харперс базар» написал: «Женщина, у которой в гардеробе нет хотя бы одной вещи от Шанель,

безнадежно отстала от моды». И уже в 1917 году большую часть ее клиенток составляли американки, а платья из джерси стали писком моды на Палм-Бич во Флориде. «Харперс базар» писал: «В этом сезоне имя Габриель у всех на устах».

В то время многие кутюрье еще недооценивали американский рынок, относились к нему свысока и предпочитали ориентироваться только на Европу. А вот Шанель одной из первых почувствовала, какие возможности таятся по ту сторону Атлантики, и специально адаптировала свою парижскую коллекцию под американские вкусы. Первая Мировая Война задела США лишь краешком, формально они в ней участвовали, но фактически им от нее было куда больше прибыли, чем трудностей. Поэтому там и настроения были другие, и одежда требовалась несколько не такая, как в разоренной войной Европе.

Для США Коко в основном поменяла цветовую гамму своих моделей. Вместо черного, серого и бежевого, соответствующих печальному настроению европеек, она предложила американкам зеленый и бордовый. К тому же, ее пропаганда простоты, сдержанности и элегантной бедности были очень по душе практичным американским снобам, которые хотели выглядеть не хуже самых роскошных парижских модниц при минимуме затрат. Так что джерси, к которому во Франции долго относились с таким сомнением, в США пошел на ура.

В это же время Коко полюбила украшать свои модели мехами, причем и тут не изменяя себе – она использовала не модных и дорогих соболя и норку, а кроликовый и кротовый мех, стоившие очень дешево, но (как это всегда было с одеждой от Шанель) смотревшимися на ее моделях невообразимо элегантно.

Глупые женщины одеваются эксцентрично, чтобы поразить мужчин. А мужчин это пугает, ведь они терпеть не могут эксцентричности. Им нравится, когда на их женщин оглядываются, потому что те красивы.

Карьера Шанель стремительно шла вверх, а вот в ее личной жизни начали сгущаться тучи.

Война сделала Боя Кейпела чрезвычайно богатым и влиятельным человеком, и это сильно подхлестнуло его честолюбие. Он по-прежнему был привязан к Коко, но… чтобы удовлетворить свои амбиции он теперь нуждался в соответствующей статусной жене. И он такую нашел. Однажды, в гостях у герцогини Сазерлендской он встретил Диану Листер, урожденную Рибблсдейл – леди из знатной и уважаемой семьи с многочисленными родственными связями среди высшей английской знати. Муж ее погиб на войне, она была свободна, и

они с Кейпелом быстро нашли общий язык.

Став официальным женихом Дианы Листер, Бой стал своим человеком в кругу британской аристократии и вскоре получил должность политического секретаря британской секции Большого межсоюзнического совета в Версале, что для него – человека неясного происхождения – прежде было почти невероятно.

В марте 1918 года, когда Диана только-только дала согласие, Кейпел сразу поехал к Коко. Несмотря ни на что, он искренне любил ее и был достаточно порядочен, чтобы сообщить о разрыве лично, а не ставить ее в унизительное положение, заставив узнать обо всем из газет или от знакомых.

Впрочем, как он потом вспоминал, для Шанель его слова не оказались неожиданностью. Они были слишком похожи, чтобы она могла его упрекать. Выскочки с грандиозными мечтами. Как Коко всегда мечтала взять реванш за унизительное детство, за нищенские монастырские платья, за бросившего их отца, так и Бой Кейпел на все был готов, чтобы забыть о своем происхождении и возвыситься над некогда презиравшими его людьми.

Женщина в жизни мужчины
бывает только одна. Все
остальные – лишь ее тени…

У женщин нет друзей.
Их либо любят,
либо нет!

Война вносила свои коррективы в жизнь общества, а Коко, тонко чувствующая перемены в мире и потребности людей, тут же предлагала одежду, подходящую для новых ситуаций, которых не было прежде.

В 1918 году Париж активно бомбили. Большинство жителей парижской столицы предпочитали при первых звуках сирены бежать в бомбоубежища. И вот тут для дам крылось большое неудобство – налеты ведь в основном совершались ночью, приходилось вскакивать и нестись в подвал, часто не успевая толком одеться. А ночные сорочки начала века не слишком подходили для того, чтобы показываться в них на людях.

Изобретательная Коко учла все это и предложила дамам новый вид одежды – пижамы!

Появление еще одной новой и оригинальной модели была связано с тем, что почти всех мужчин, которые умели водить машины, мобилизовали на фронт. Париж остался без шоферов, и даже самые богатые дамы были вынуждены либо ходить пешком, либо сами учиться держать руль.

Для них Шанель предложила прорезиненные плащи-дождевики на манер шоферских, снабженные широкими карманами. Черные, белые, синие, розовые плащи мгновенно завоевали весь мир.

Женщины, обычно, гораздо
тщательнее выбирают
для себя ночную рубашку,
чем мужа.

В сентябре 1918 года Шанель сменила «штаб-квартиру» – отныне ее модный дом располагался в доме 31 по рю Камбон, где он находится и по сей день.

Тогда же она наконец приобрела соответствующий ее новому статусу автомобиль – роскошный темно-синий Роллс-ройс с шофером. Каждый день около полудня она теперь подъезжала на нем к дому 31 по рю Камбон, и вышколенный слуга распахивал перед ней дверцу автомобиля.

А отвлечься ей было необходимо. Всегда достаточно авторитарная и резкая Коко в это время стала превращаться в настоящего тирана. Она придиралась абсолютно ко всему, могла сорваться и накричать из-за какой-нибудь мелочи, доводила своих работниц почти до нервного срыва, грозила всеми карами небесными и земными… А назавтра могла быть спокойна, весела, не вспоминала о проступке и могла похвалить или даже дать премию тому, кого вчера хотела с землей сравнять. Увы, как бы она ни крепилась, как бы не изображала спокойствие, разрыв с

Боем тяжело ударил по ней.

Впрочем, платила она хорошо, и в работниках у нее все равно не было недостатка, как бы она ни шумела и ни ругалась. А потом кому-то из ее сотрудников пришла в голову светлая идея – наняли специальную девочку, которая наблюдала за дорогой, и едва появлялся автомобиль Шанель, оповещала об этом весь персонал модного дома. И сотрудники, морально подготовившись к тому, что сейчас появится их непредсказуемая хозяйка, с удвоенным старанием принимались за работу.

Женщину в светлой одежде
трудно привести в дурное
настроение.

В 1919 году младшая сестра Коко, Антуанетта, вышла замуж и уехала в Канаду. И ничто не предвещало, что они видятся в последний раз…

Роман тридцатитрехлетней Антуанетты и канадского летчика-добровольца Оскара Флеминга был стремительным и пылким. Они познакомились летом 1919 года и в том же году уже сыграли свадьбу.

Идиллия закончилась сразу, как только молодожены приехали в Канаду. Семье Оскара Антуанетта пришлась не ко двору, они сочли ее вульгарной, аморальной и эксцентричной, а она их – нудными и высокомерными. А вскоре уехал Оскар – отец

отправил его заканчивать учебу на юридическом.

Антуанетту с ним не пустили под предлогом того, что она будет отвлекать его от учебы.

После десяти месяцев такой жизни в Канаде, скоропалительный брак Антуанетты начал трещать по всем швам. И тут она познакомилась с аргентинским студентом, который покорил ее своей яркостью, а главное – абсолютной не похожестью на Оскара Флеминга и его родственников. Дело закончилось тем, что она бросила мужа и уехала с новым возлюбленным в Аргентину.

Но увы, этот роман завершился еще быстрее, и Антуанетта осталась одна в чужой стране и без средств. В 1920 году Антуанетта умерла. По официальной версии семьи Шанель, причиной ее смерти была свирепствовавшая тогда «испанка». По неофициальной – она покончила с собой.

Для Коко это стало страшным ударом. Ее старшая сестра Джулия умерла еще несколько лет назад. Из трех сестричек Шанель теперь осталась лишь она одна.

Я сделаю
жизнерадостную
коллекцию, потому что
дела идут плохо.

Красивое проходит,
прекрасное остается.

22 декабря 1919 года стало одним из самых страшных дней в жизни Коко Шанель. В этот день она потеряла единственного мужчину, которого она любила.

Она отдыхала на вилле «Миланез», когда в четыре утра 22 декабря туда приехал знакомый Боя Кейпела Леон де Лаборд и сообщил, что с тем случилось несчастье. По пути из Парижа в Канны он попал в автомобильную аварию и Бой погиб на месте. Удача, до сих пор благоволившая к нему, отвернулась от своего прежнего любимца.

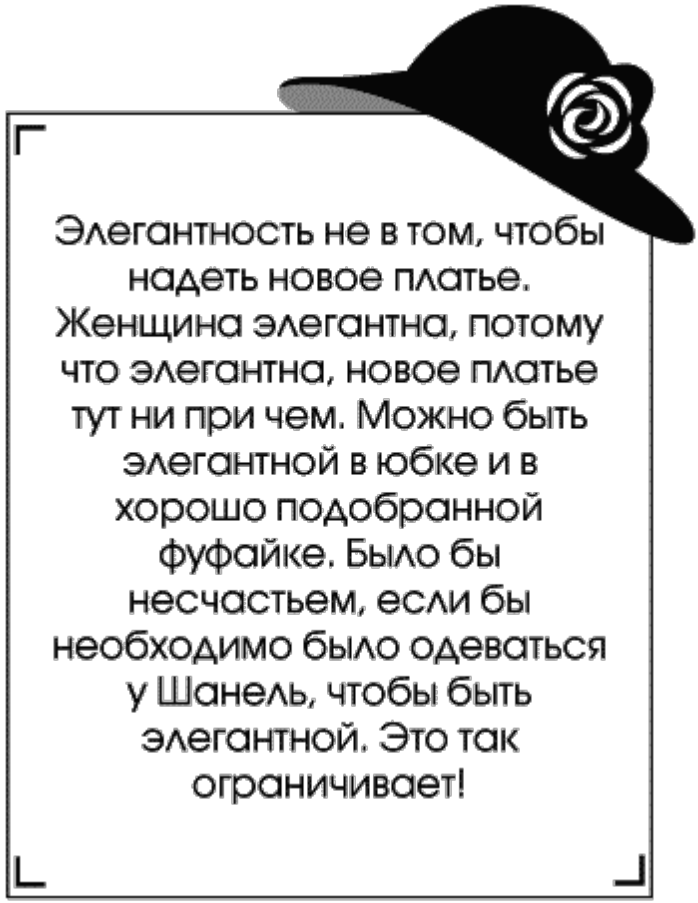
Но даже в такой трагический момент деятельная натура Шанель взяла верх над страданием. Едва только рассвело, она помчалась в Канны вместе с Лабордом, и меньше чем через сутки уже была там. С Кейпелом ей проститься не удалось – тело было

уже положено в гроб и отвезено во Фрежюс, где должны были состояться похороны.

Но смотреть, как гроб опускают в могилу Коко не собиралась. Стоять в отдалении, слушать лицемерные речи, ловить удивленные взгляды, смотреть на Диану – официальную вдову ее возлюбленного. Нет, это было не для нее. Прощаться с Боем она поехала на место катастрофы, где еще лежала груда металла, недавно бывшая его машиной. Только там, сев на обочину, она наконец заплакала…

А вскоре она ввела в моду черный цвет. Злые языки говорили, что это для того, чтобы одеть весь мир в траур по Кейпелу. Возможно, они были и правы…

Красивые глаза – это те,
которые смотрят на тебя
с нежностью.


Элегантность не в том, чтобы надеть новое платье. Женщина элегантна, потому что элегантна, новое платье тут ни при чем. Можно быть элегантной в юбке и в хорошо подобранной фуфайке. Было бы несчастьем, если бы необходимо было одеваться у Шанель, чтобы быть элегантной. Это так ограничивает!

После смерти Боя, Шанель долго не могла оправиться. Помогли ей Мися Годебска и святой Антоний Падуанский.

Мися тогда как раз вышла замуж за Жозе Серта, с которым жила уже двенадцать лет, и они отправились в свадебное путешествие по Италии, а заодно с собой прихватили и Коко – развеивать тоску. Но ее ничего не радовало – ни солнечная Италия, ни памятники архитектуры, ни море, ни природа. Она чувствовала себя несчастнейшим человеком на свете… пока не приехала в Падую.

В Падуе Мися показала ей гробницу святого Антония и предложила помолиться, чтобы тот осушил ее слезы. Шанель не отнеслась к этому серьезно, она сама всегда говорила, что была скорее суеверной, чем по-настоящему верующей. Но все же она пошла в церковь и стала на колени перед гробницей.

И там она увидела тоже молившегося святому Антонию человека, на лице которого было такое горе и отчаяние, что ей

вдруг стало стыдно. «И я еще смела жаловаться! – вспоминала она об этой встрече. – Никогда я еще не видела такого отчаяния на человеческом лице. Я знала, что тот, кого потеряла, рядом со мной по ту сторону, и что он не покидает меня ни на минуту. И сказала себе: раз он здесь, рядом с тобой, раз он ждет тебя, ты не имеешь права плакать; это не важно, что в этом мире ты еще какое-то время будешь одна. Он все равно с тобой, мы в разных мирах, но он тебя не покинул, хочет, чтобы ты была счастлива. И главное, не хочет, чтобы ты чувствовала себя несчастной… И ты смела жаловаться, стоя рядом с человеком, у которого уже ничего нет и который пришел поклониться этой гробнице, потому что это его последний шанс!»

Сокровища божественного милосердия ободряют даже преступников, так как они имеют основания надеяться, что разделят их с другими.

Вернувшись из Италии, Коко совершила поступок, сильно возвысивший ее статус. Она стала меценаткой.

Причем, помогла она самому Сергею Дягилеву – устроителю «Русских сезонов» в Европе.

И вот Шанель решилась. В Париже она сразу поехала в отель, где остановился Дягилев. Он даже не сразу узнал ее, но с трудом вспомнил в конце концов, что она подруга Миси, и уж тем более для него стало шоком, когда она протянула ему чек на триста тысяч франков – как раз столько, сколько ему было нужно для того, чтобы поставить «Весну священную».

При этом Коко поставила ему условие – никому не говорить, от кого он получил эти деньги. Возможно, она не хотела задевать самолюбие Миси, ведь она сделала то, что той не удалось. А может у нее были и какие-то другие причины, впрочем, в любом случае раскрывать она их не собиралась. Но конечно спустя какое-то время Дягилев все равно проболтался, и Мися обо всем узнала. Может она и обиделась, как ожидала Коко, но внешне этого не показала, и их дружбе данный эпизод не помешал. Но в их отношениях с тех пор появилось что-то вроде соперничества, продолжавшегося до конца жизни.

Чтобы действовать и творить, нужно, прежде всего, иметь друга, на которого можно опереться.

Настоящее счастье стоит недорого. Если за него приходится платить высокую цену, значит, это фальшивка.

Я всегда задаю себе один
и тот же вопрос: скажи
честно, ты могла бы носить
это? В сущности, я даже
не задаю этого вопроса.
Это инстинкт.

В 1920 году Шанель пригласила Стравинского вместе со всей семьей погостить у нее на вилле.

Он принял ее приглашение, но тогда конечно ни он, ни она не ожидали, что это затянется на целых два года.

К ее смущению и сильному неудобству, Стравинский влюбился в нее и преследовал ее своими признаниями.

Ситуацию усугубило вмешательство Миси – прекрасная полька слишком любила страсти и эффекты, поэтому не могла не поучаствовать в этой пикантной истории. Она и ее муж выступали то посредниками между Стравинским и Коко, то обвиняли их обоих – ее в намерении разрушить семью, его – в том, что он подлый соблазнитель.

Это безумие закончилось только в 1922 году, когда семья Стравинского наконец съехала от Коко. Еще много лет она продолжала поддерживать композитора и морально, и материально. Сохранилось, например, письмо Стравинского Мисе, написанное одиннадцать лет спустя, в 1933 году, где он

просил ее о помощи и упоминал, что обычно ему эту помощь оказывала именно Шанель.

В сентябре 1920 года в Биаррице старая приятельница Коко, Марта Давелли, познакомила ее со своим любовником – великим князем Дмитрием Павловичем, кузеном Николая II.

Как говорят, Марта сразу заметила их взаимный интерес и прошептала ей на ухо: «Хочешь, я уступлю его тебе? Он слишком дорого мне обходится».

Сначала Коко не отнеслась к этому серьезно – слишком свежа еще была ее потеря. Но князь действительно привлекал ее и как мужчина – а он был весьма хорош собой, и как необычная личность. Он был одним из тех беглецов из Советской России, кому посчастливилось унести ноги от революции, но не удалось сохранить хотя бы часть своего состояния.

Но Коко это не пугало. Она умела экономить деньги и умела их тратить – когда хотела. Ей нравился Дмитрий Павлович, к

тому же она чувствовала в нем родственную душу и видела некоторое сходство в их судьбе. Молодость и красота в сочетании с бедностью и драматической судьбой всегда вызывали у нее сочувствие. Поэтому она, нимало не смущаясь, пригласила князя поселиться у нее на вилле, где к тому времени уже жил Стравинский со всей семьей.

Коко поддерживала Дмитрия Павловича, одевала его, представила своим друзьям, ну а он помог ей оправиться от потери, побороть тоску и вновь почувствовать себя почти счастливой женщиной. Их своеобразный роман продлился почти год, после чего они расстались друзьями. Дмитрий Павлович женился на американской миллионерше и уехал в США. В дальнейшем они еще не раз встречались, но уже как друзья, и Шанель даже участвовала в конфирмации его сына Павла Дмитриевича.

Принцы крови всегда
вызывали у меня безмерную
жалость. Их ремесло,
когда они им занимаются, –
самое грустное из всех воз-
можных; но еще хуже, когда
они не могут им заниматься.

Связь с Дмитрием Павловичем положила начало более тесному общению Шанель с русскими эмигрантами, а главное – появлению славянских мотивов в ее творчестве.

Именно тогда она приняла на работу много друзей и родственников великого князя, в том числе и русских дворянок. Воспитанные, утонченные и умеющие элегантно носить одежду, они стали работать у нее манекенщицами и продавщицами, помогая создавать неповторимый изысканный образ модного дома Шанель. Некоторые эмигранты даже стали жить у нее все на той же вилле под Парижем, где уже проживала семья Стравинского и великий князь Дмитрий.

Ну и конечно, как когда-то роман с Боем внес в творчество Коко много английских мотивов, сейчас близкое знакомство с русскими и их культурой привело к тому, что в новых моделях от Шанель появился заметный «славянский стиль».

Шанель поставила дело на широкую ногу – одних только вышивальщиц было нанято с полсотни. В витрине ее модных магазинов появились блузы и рубашки в «деревенском» стиле, платья и плащи с цветастой фольклорной вышивкой. Любимые Коко темные однотонные ткани теперь оттенялись многоцветными вышитыми узорами, иногда даже с бисером и блестками.

Причем конец романа с Дмитрием Павловичем вовсе не стал концом русского стиля в творчестве Шанель. Славянские мотивы оставались в ее творчестве еще долго, вплоть до середины 20-х годов.

Женщины прячут
свои недостатки, вмес-
то того, чтобы превра-
щать их в достоинства.

Если женщина
не красива – значит,
она просто глупа.

Дмитрий Павлович познакомил Коко с человеком, в творческом союзе с которым ей суждено было перевернуть мир. Это был химик Эрнест Бо – создатель духов «Шанель № 5».

Бывший парфюмер русского императорского двора, бежавший за границу после революции, Бо рассказал ей, что работает с альдегидами – синтетическими цветочными запахами – и нашел способ создавать с ними устойчивые ароматы.

Оказалось, что у Бо есть несколько готовых запахов, которые он уже предлагал известным парфюмерам, но они узнали цену и отказались. А вот Шанель была готова экспериментировать, она

давно уже мечтала о собственных духах, но хотела, чтобы они не были похожи ни на какие другие. И именно это ей и сумел предложить Бо

Коко и Бо быстро договорились, что он представит ей десять вариантов на выбор. Из этих десяти ароматов она выбрала пятый – это было ее любимое число.

Как сам запах был не похож ни на один другой, так и его название должно было быть совершенно новым, ни на что не похожим. «Шанель № 5».

Таким же революционным было и оформление.

Когда же новые духи были готовы к продаже, Габриель не спешила его продавать. Она уже знала, как завлечь самых престижных покупательниц, поэтому подарила по флакончику своим шикарным подругам – артисткам, аристократкам, куртизанкам. Так, еще не успев попасть в продажу, духи «Шанель № 5» стали ароматом узкого круга особо элегантных и современных дам.

Духи говорят о женщине
больше, чем ее почерк.

Духи – это невидимый,
но зато незабываемый,
непревзойденный модный
аксессуар. Он сообщает
о появлении женщины
и продолжает напоминать
о ней после ее ухода.

В 1920 году Коко познакомилась с поэтом Пьером Реверди.

Он был младше Коко на шесть лет, происходил из простой семьи и работал в Париже корректором в типографии. Странная вроде бы пара для королевы моды. Не миллионер, не князь и даже не знаменитость. Но зато Реверди был талантлив, и несмотря на то, что он был мало известен широкой публике, в кругу людей искусства его уважали и высоко ценили его творчество.

Строгий, элегантный, всегда безупречно одетый Пьер Реверди очень выделялся на фоне своих друзей из парижской богемы. Скорее его можно было принять за светского человека, случайно попавшего в эту компанию. При этом он презирал свет, всю эту ярмарку тщеславия, и следовал лишь собственным убеждениям,

никогда не идя на компромиссы.

Коко, всегда замечавшая интересных незаурядных людей, конечно тоже не могла не заинтересоваться такой необыкновенной личностью. Постепенно их дружба переросла в романтические отношения, а потом и в серьезное чувство.

Этот роман сильно повлиял на них обоих – Реверди вновь подтолкнул Коко к тому, чтобы развивать интеллект, читать, понимать литературу, ну а у него в свою очередь любовь вызвала небывалый творческий подъем. Вскоре в поэтических кругах его начали называть одним из величайших современных поэтов.

Но… в 1926 году он принял решение расстаться с Коко. И дело был не в угасших чувствах или другой женщине. Нет, скорее наоборот, просто он счел, что разделенная любовь мешает его творчеству, и лучшим источником вдохновения будет для него тоска по утраченной возлюбленной…

Впрочем, их роман на этом вовсе не закончился – он продолжался еще много лет. Просто он перешел из плотской стадии в духовную…

Я не испытываю
ни к кому теплых чувств.
Я или люблю, или нет.

Самое лучшее
в любви –
это заниматься ею.

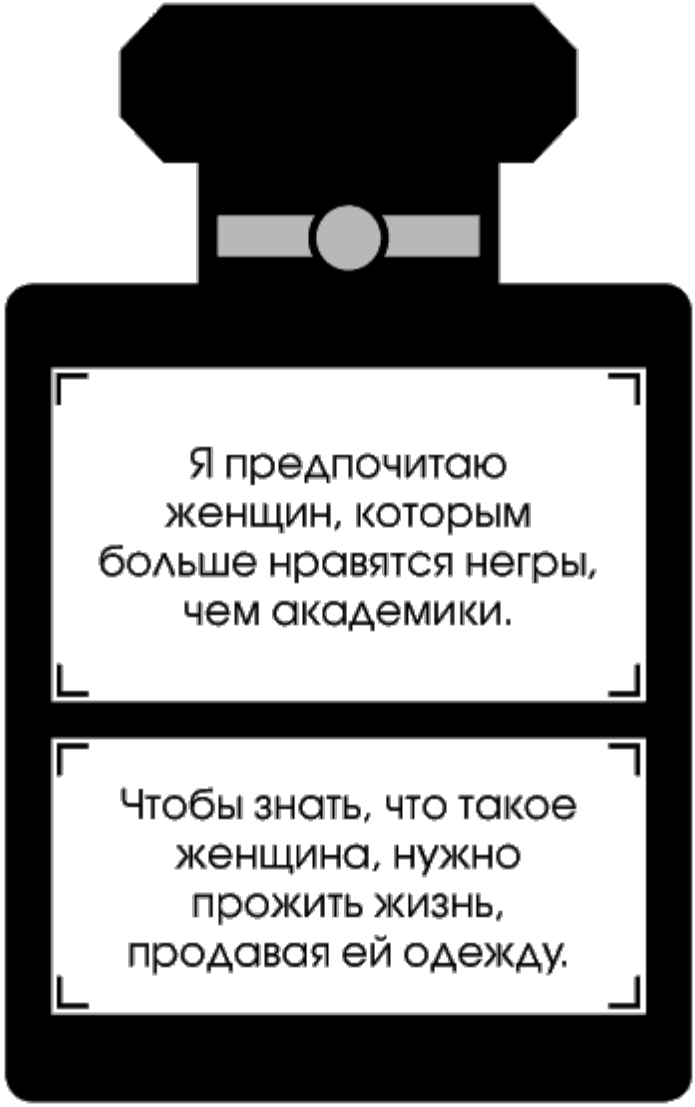
В июле 1922 года вышла книга, которая стала мировым бестселлером, а для Коко Шанель неожиданно стала бесплатной рекламой.

Называлась она «La Garconne» («Холостячка»). Этот шокирующий и дерзкий роман стал одним из символов двадцатых годов, а его героиня, Моника – символом современной женщины. Стриженная, худая, с сигаретой – она бросала вызов общественной морали. Преданная любимым человеком, она пустилась во все тяжкие, баловалась наркотиками, заводила многочисленные романы как с мужчинами, так и с женщинами. Впрочем, в конце романа Моника все же встретила свою большую любовь, вышла замуж и вместе с мужем занялась борьбой за женское равноправие. В общем, это была настоящая героиня «от Шанель», только еще более экспрессивная и не ограниченная никакими рамками.

Книга разошлась немыслимым для того времени тиражом – больше семидесяти пяти тысяч экземпляров. По ее страницам

шествовала женщина нового времени, женщина, похожая на мужчину, женщина… фактически созданная Шанель. Женственность в сочетании с мужественностью, свободное поведение, удобная одежда, вызов традициям – все это было характерно и для ее стиля, именно такую женщину она создавала своим искусством модельера, своим собственным поведением и образом жизни (кстати, о Коко и Мисе ходили вполне определенные сплетни, хоть ничем и не подтвержденные).

И все это видели – с ростом популярности романа, росла и популярность ее модного дома. Женщины читали «Холостячку», хотели быть похожей на нее и шли к Шанель, чтобы она и им помогла обрести эту пьянящую свободу от условностей и хотя бы видимое равноправие с мужчинами.


Я предпочитаю женщин, которым больше нравятся негры, чем академики.
Чтобы знать, что такое женщина, нужно прожить жизнь, продавая ей одежду.

У вас не будет
второго шанса
произвести первое
впечатление.

Но самое знаменитое творение Коко Шанель было еще впереди. Платье, которому и сейчас нет равных.

Женщина от Шанель, с фигурой карандаша, в платье с поясом на бедрах и шляпке-колпаке, давно доминировала на улицах – ее можно было увидеть в автомобиле, на пляже, в парке. Но в один прекрасный вечер на премьере в «Гранд-опера» Коко огляделась и поняла – кое-где ее вечный соперник Поль Пуаре пока побеждает. Она слишком сосредоточилась на повседневной одежде и забыла, что женщинам надо еще и наряжаться, в чем-то ходить в театры, рестораны, на званые вечера. И вот «маленькие недокормленные телеграфистки», как насмешливо называл Пуаре женщин, одевающихся у Шанель, вечерами сбрасывали практичные простые платья и облачались в пышные яркие наряды от Пуаре, из тяжелых тканей, с множеством украшений и вышивок, богатой отделкой – в общем, именно такие, какие Коко ненавидела всей душой.

Раздраженная Шанель обозвала дам ряженными и поклялась,

что найдет способ справиться с этой ужасающей ее карнавальной безвкусной пестротой.

И вот через несколько недель мир ждал фурор. Коко представила на всеобщее обозрение платье, которому суждено было пережить мировую войну, эмансипацию и сексуальную революцию. Узкое прямое черное платье, ставшее столь популярным, что вскоре было названо восторженными журналистами «фордом от Шанель» – и действительно, он было столь удобно, демократично, элегантно, доступно и эффектно, что подходило любой женщине и в то же время любую делало изысканной и индивидуальной.

Его носят и сейчас – бессмертное творение Шанель – маленькое черное платье.

Нужно безжалостно убирать
все, что чрезмерно.

На рубеже 1922 и 1923 годов весь Париж восхищался совместным творением Жана Кокто, Пабло Пикассо и Коко Шанель – спектаклем «Антигона».

Задумав переработать великое творение Софокла на собственный лад, Кокто решил потрясти публику и показать ей то, что она еще никогда не видела. В качестве художника по костюмам пригласил Шанель.

Кокто ждал от нее многого, отвечая на вопрос о выборе модельера, он говорил: «Она – величайший кутюрье нашей эпохи, а я не представляю себе Эдиповых героинь плохо одетыми».

Премьера спектакля состоялась в театре «Ателье». Зрители

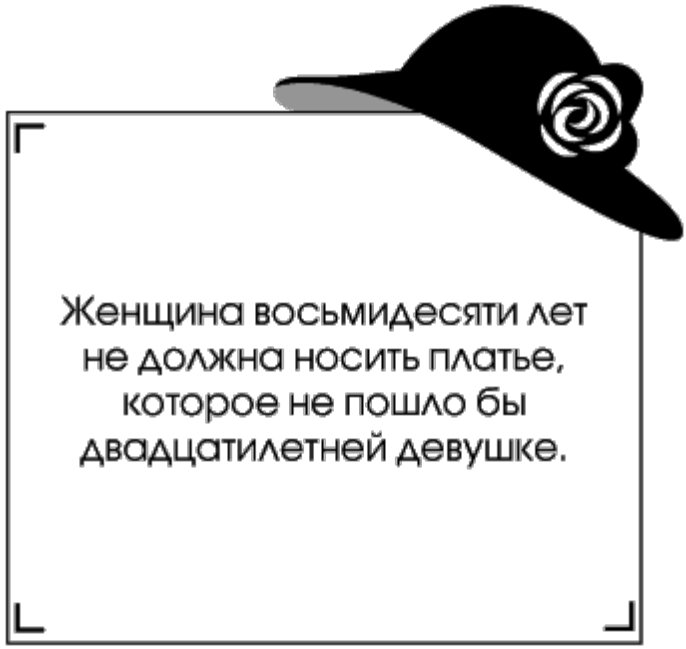
были в восторге от потрясающих декораций работы Пикассо.

Но настоящий триумф пришелся на долю именно Коко Шанель. Ее костюмы из джерси и грубой шерсти кирпичного и коричневого тонов вызвали восторг журналистов, которые писали, что словно своими глазами увидели сквозь толщу времени истинные античные одеяния. Особенно восхищались все костюмом Антигоны, который называли «блестящим воспроизведением древности», а ведь Шанель изобрела его в порыве вдохновения – накинув на плечи актрисы свой собственный плащ.

Этот спектакль стал в какой-то мере переломным моментом – именно после него уже никто не решался спорить насчет места Шанель в моде, да и в мировой культуре в целом. Ее авторитет возрос до небес. Ну а она не собиралась на этом останавливаться…

У вас не будет
второго шанса
произвести первое
впечатление.

В моде,
как и в архитектуре,
важнее всего пропорции.



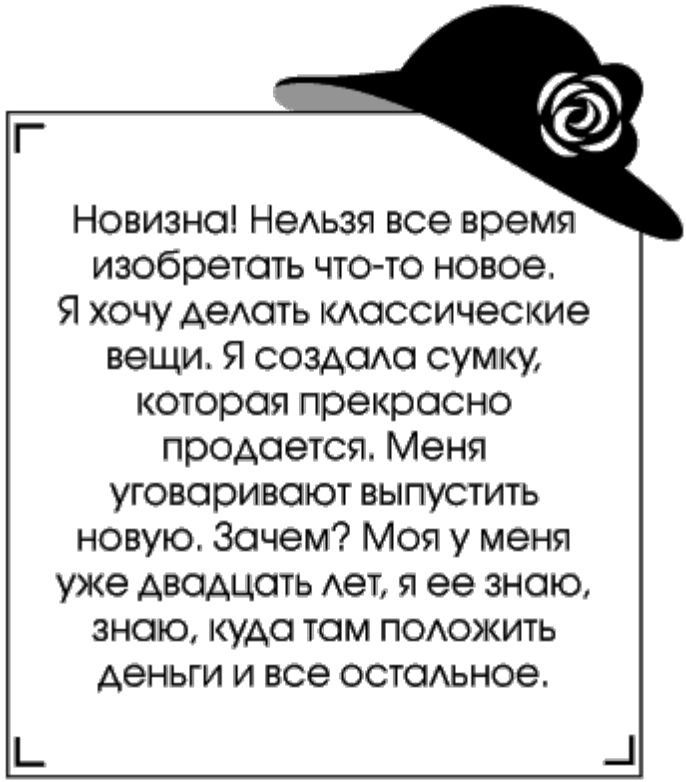
13 июня 1924 года в театре «Шанз-Элизе», на одной из самых известных сцен Парижа, состоялась премьера балета «Голубой экспресс», костюмы для которого создавала Коко Шанель.

После успеха «Антигоны» Кокто вскоре снова обратился к Шанель, на этот раз вместе с другим ее старым знакомым – Дягилевым. Они задумали поставить сатирический балет «Голубой экспресс» по сценарию Кокто.

Что вообще такое «Голубой экспресс»? У парижан 20-х годов такого вопроса не возникало, все знали, что это скоростной роскошный поезд, курсирующий между Парижем и курортами Лазурного берега. На его обычных пассажиров – модных прожигателей жизни – Кокто и написал сатиру. А Коко предстояло создать визуальный образ каждого из выведенных в сюжете типажей. И она не растерялась. Для персонажа по прозвищу «Красавчик» она придумала костюм, похожий на майку атлета, а, например, для «Игрока в гольф» – твидовые брюки,

пуловер и носки в полосочку. Но самым знаменитым из всех стал костюм «Прекрасной купальщицы», который и сейчас выставлен в Музее Виктории и Альберта в Лондоне.

Ничто так ни старит женщину,
как слишком
роскошный костюм.


Новизна! Нельзя все время изобретать что-то новое. Я хочу делать классические вещи. Я создала сумку, которая прекрасно продается. Меня уговаривают выпустить новую. Зачем? Моя у меня уже двадцать лет, я ее знаю, знаю, куда там положить деньги и все остальное.

В начале 1924 года Коко Шанель познакомилась с герцогом Вестминстерским.

А уже через несколько месяцев желтая пресса писала: «Весьма осведомленные лица утверждают, что новой герцогиней будет красивая и блистательная француженка, руководящая большим парижским Домом мод».

С герцогом Вестминстерским – аристократом, плейбоем, миллионером и страстным яхтсменом по прозвищу Вендор – Коко познакомила ее подруга Вера Бейт. Причем это именно герцог хотел с ней познакомиться, а она еще отказывалась и не желала принимать его приглашение пообедать у него на яхте. Его скандальная репутация – романы и разводы, безумные траты, эксцентричные причуды – все это ей не слишком импонировало.

В конце концов она согласилась на обед вчетвером – герцог, Вера, Дмитрий Павлович и она сама. Яхта оказалась действительно заслуживающей внимания, как впрочем и ее хозяин, который сразу начал за Коко ухаживать. Но здесь

знаменитого плейбоя ждал неожиданный отпор – Шанель вовсе не торопилась принимать его знаки внимания и уж тем более на них отвечать.

Ее упорство лишь разжигало интерес не привыкшего к сопротивлению герцога, он усилил напор, стал засыпать ее роскошными подарками и любовными письмами. В ответ Коко посылала ему не менее дорогие подарки.

Но шли недели и месяцы, постоянство Вендора и его настойчивость делали свое дело, Шанель начала относиться к нему все более благосклонно.

Так как все находится
в голове, не надо
ее терять.

Некоторые женщины любят носить обтягивающие вещи. Никогда! Я хочу, чтобы в мое платье можно было свободно «войти» и мне наплевать на все остальное.

В 1928 году Шанель купила на Лазурном берегу имение, по соседству с виллами политиков и финансовых магнатов.

Ей понравилась местность – оливковые и эвкалиптовые рощи, цветники, открывающаяся взгляду дивная панорама. А вот дом она безжалостно приказала снести, у нее были собственные планы насчет того, как должна выглядеть резиденция ее мечты. Великолепный дом из трех корпусов с двориком в римском стиле, в окружении старых олив… И только два маленьких коттеджа в глубине поместья она собиралась оставить нетронутыми – один предназначался для ее многочисленных друзей, которые конечно же будут гостить в ее новой резиденции, а второй – для занятий

живописью, которыми как раз увлекся герцог Вестминстерский.

Архитектор послушно выполнил все ее требования и вскоре предоставил готовый проект поместья. Коко полностью его одобрила, потребовав внести только одно изменение – сделать лестницу, ведущую в дом, такой же, какая была в сиротском приюте Обазина, где она воспитывалась, и которому она тайком перечисляла деньги с тех пор, как они у нее появились. Естественно, архитектор не стал ей возражать, он сразу съездил в монастырь, обмерил лестницу и выстроил ее точную копию, которую назвал «лестницей монашек».

Выглядело это довольно необычно, и конечно гости не раз спрашивали Коко, почему у ее дома такая необычная лестница, на что она всегда отвечала полуправду – дескать это воспоминание детства, такая же была в монастыре, где она проводила каникулы.

Люди дают игрушки, лекарства, советы, которые могут подходить только им самим.

В 1929 году поместье Шанель, которое она назвала «Ла Пауза», было готово к приему гостей, и конечно герцога Вестминстерского, ведь оно задумывалось прежде всего как их любовное гнездышко.

Все там ему понравилось – и соседство с Уинстоном Черчиллем, с которым его связывали серьезные деловые отношения, и специально для него подготовленная художественная студия, и собиравшееся там общество… Но увы, к этому времени их отношения с Коко уже дали серьезную трещину. Герцог был слишком ветреным и непостоянным, его связь с Шанель не мешала ему постоянно заводить мелкие ни к чему не обязывающие романы. Тем более, что и его возлюбленная смотрела на них сквозь пальцы – она всегда была достаточно

равнодушна к мимолетным изменам своих любовников.

Их связь длилась уже почти пять лет, они друг друга хорошо понимали, уважали и ценили.

Однако временами герцог выкидывал такое, что Шанель вовсе не собиралась сносить. В одном из их совместных круизов он имел наглость завести интрижку с какой-то девицей буквально на глазах своей постоянной возлюбленной. А чтобы искупить вину, подарил ей драгоценный изумруд баснословной ценности. Коко с благосклонной улыбкой приняла из его рук футляр и… швырнула в воду.

Я хочу сказать
женщинам вот что:
никогда не выходите
замуж за скупого.

Оформив развод со своей второй женой, герцог Вестминстерский задумался о новом браке. И первой кандидатурой была конечно Коко.

Их роман был еще в самом разгаре, и хотя для Вендора такой брак стал бы мезальянсом, ничего сверхъестественного в нем никто бы не увидел. Почему же тогда Коко Шанель не могла стать герцогиней Вестминстерской?

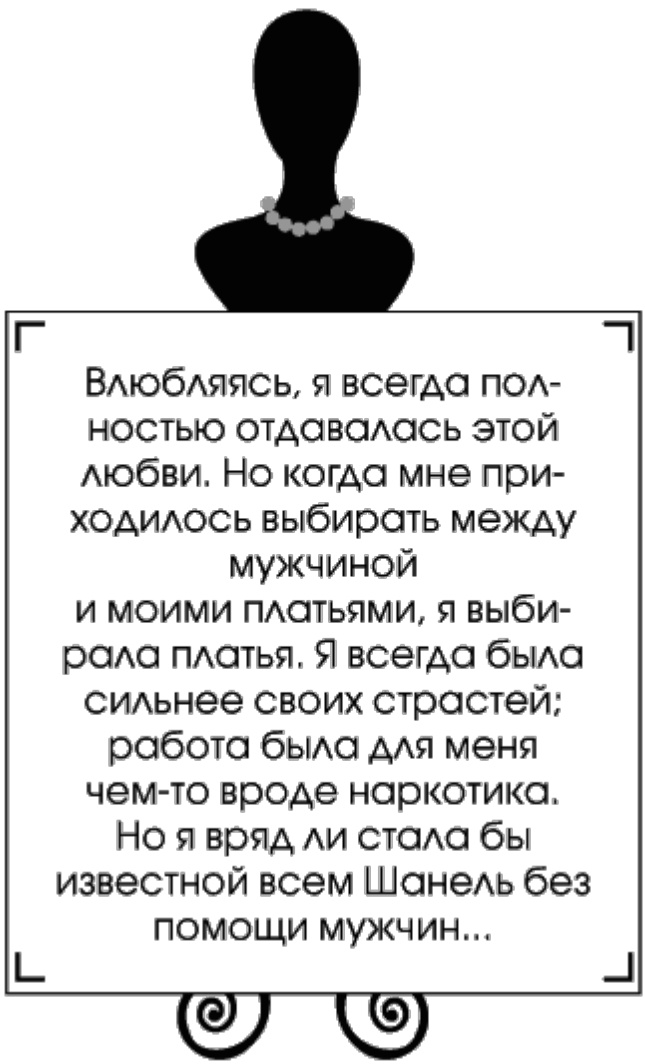
Прежде всего, этот брак положил бы конец ее карьере модельера. Герцогиня-кутюрье – это было абсолютно невозможно.

А во-вторых… Вендор нуждался в наследнике. Его единственный сын умер, и теперь ему необходима была жена,

которая подарила бы ему ребенка. А Коко было уже сорок пять…

Нельзя сказать, чтобы она не пыталась. Она консультировалась с врачами, пила лекарства, делала специальные упражнения, даже ходила к знахарям. Все оказалось бесполезно. В конце концов она смирилась с тем, что природу не победить, и шансов стать матерью у нее нет.

Это стало последней и определяющей каплей, сделавшей расставание герцога Вестминстерского и Коко неминуемым. И она предпочла не тянуть, не ждать, пока он ее бросит, а сама все закончить.


Влюбляясь, я всегда полностью отдавалась этой любви. Но когда мне приходилось выбирать между мужчиной
и моими платьями, я выбирала платья. Я всегда была сильнее своих страстей; работа была для меня чем-то вроде наркотика. Но я вряд ли стала бы известной всем Шанель без помощи мужчин...

Коко Шанель никогда не заканчивала показ коллекции свадебным платьем, как это делали другие модельеры.

В чем тут дело? Просто в том, что она всегда старалась быть не похожей на других, или причина была более глубокой и серьезной?

Люди, которые ее хорошо знали, немало рассказывали о том, что Коко питала прямо-таки демонстративную ненависть к браку и материнству. Своим манекенщицам, в особенности тем, которых она особенно любила, она всегда говорила, что любовь – это глупости, любовника надо выбирать богатого. Потому что любовь – это плен и песок, уходящий сквозь пальцы, а деньги – это независимость, дороже которой нет ничего на свете.

Коко была замужем за своим делом, за модным домом Шанель. Беременной журналистке, пришедшей взять у нее интервью, она тут же указала на дверь, заявив: «Ступайте, телитесь в другом месте!» А своей молоденькой родственнице, которой покровительствовала, сказала: «Деточка, ты покажешь мне твоих детей, когда они начнут ходить и будут чистыми, потому что для меня, ты знаешь, сосание, отрыжка, слюни…» И конечно скорчила гримасу отвращения.

Впрочем, это все выглядит совсем по-другому, если вспомнить, как отчаянно она сама пыталась забеременеть от герцога. Все оказалось бесполезно, и у нее остались лишь горькие сожаления и душевные раны, которые она вот так, не всегда красиво, прикрывала сарказмом и грубостью.

Одна гримаса судьбы
может испортить
тонны французской
косметики.

Я всегда все
делаю истово.

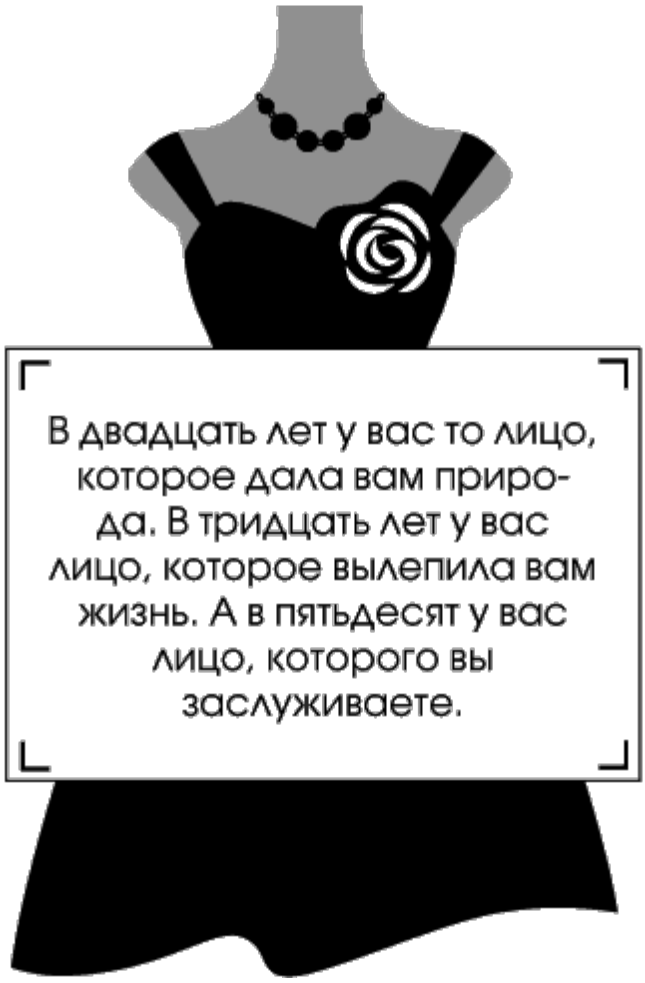
В 1930 году, после расставания с герцогом Вестминстерским, Коко занялась довольно новым для себя делом – афоризмами.

С журналами Шанель сотрудничала давно – писала для них статьи про моду, современных женщин, про свое отношение к роскоши, к спорту, к женскому вопросу. Но вообще-то к журналистике ее не слишком тянуло, а вот оставить след в истории ей хотелось. А она уже знала, что помнят не тех, кто много сделал, а тех, кто оставил после себя что-то запоминающееся широкой публикой. Картину, статую или… литературное произведение. Она достигла уже достаточного уровня известности, чтобы позволить себе оставить миру свои основные мысли и идеи в виде коротких метких высказываний.

Но это легче задумать, чем осуществить. Коко перечитала Ларошфуко и других великих мастеров афоризма и признала, что сочинить такое ей не под силу. Впрочем, она и не собиралась писать целые книги, ей нужно было всего несколько подходящих фраз, чтобы напечатать их в журналах. Она обдумала, что хочет

сказать, но у нее никак не получалось облечь мысли в такую форму, чтобы они звучали достаточно метко, коротко и остроумно. И тогда она решила обратиться за помощью к человеку, вкус, талант и литературный опыт которого не вызывали никаких сомнений – к ее старому другу и возлюбленному Пьеру Реверди.

Их литературное сотрудничество не ограничилось началом 30-х годов, Реверди до самой своей смерти в 1960 году продолжал консультировать Коко. И даже когда она научилась сама оттачивать афоризмы и уже не нуждалась в редакторе, она все равно продолжала присылать их ему на одобрение, считая его первым и главным своим читателем и критиком.


В двадцать лет у вас то лицо, которое дала вам природа. В тридцать лет у вас лицо, которое вылепила вам жизнь. А в пятьдесят у вас лицо, которого вы заслуживаете.

Экономический кризис в США неожиданным образом привел к новому витку в карьере Коко Шанель – ее пригласили в

Голливуд.

Со знаменитым продюсером Сэмюэлем Голдвином Коко в 1930 году познакомил все тот же ее бывший возлюбленный Дмитрий Павлович, которому она уже была обязана множеством новых интересных и выгодных знакомств. В это время Голливуд переживал не лучшие свои времена – из-за кризиса сильно упала посещаемость кинотеатров, многие студии оказались на грани разорения. И Голдвину пришла в голову оригинальная идея – одеть всех звезд у величайшего кутюрье своего времени и тем самым вновь увеличить интерес американцев к кино. А этим величайшим кутюрье он считал, разумеется, Шанель.

И Голдвин предложил ей сказочный контракт – миллион долларов в год за то, чтобы она два раза в году приезжала в Голливуд и создавала костюмы для его звезд, которые они могли бы носить как в жизни, так и на экране. Он считал, что так фильмы будут привлекать в кинотеатры больше женщин – ведь они станут не только развлечением, но и демонстрацией последних новинок моды.

Но к изумлению Голдвина Коко не спешила принимать это предложение и долго колебалась, взвешивая все за и против. В итоге идея Голдвина «подкупила» ее тем, что благодаря кинематографу ей удастся расширить свою модную империю в несколько раз – если ей удастся заключить договор с американскими бизнесменами, то дешевые копии ее моделей для широких кругов населения будут продаваться уже не тысячами, а миллионами экземпляров.

Увы, идея Сэма Голдвина потерпела сокрушительный провал, и второй раз Шанель в США уже не поехала.

Поначалу все шло прекрасно – Коко в компании Миси приехала в Америку, где ее встретили по-королевски – даже паровоз выкрасили в ее любимый белый цвет. Встречать ее явились крупнейшие звезды Голливуда во главе с несравненной Гретой Гарбо. Все газеты писали об этой встрече двух королев – моды и экрана. Шанель активно взялась за работу, сделала костюмы для Глории Свенсон в фильме «Сегодня вечером или никогда» и получила за них благожелательные отзывы критиков. Но…

К сожалению, правы оказались те, кто отговаривал Голдвина от этой авантюры. Принудительно одеть всех звезд у одного модельера – слыханное ли это дело. Шанель с первых же дней столкнулась с противодействием многих актрис, не желавших, чтобы им навязывали стиль одежды. К тому же, что еще важнее, оказалось, что Голдвин недостаточно учел законы кино –

пропагандировавшаяся Коко естественность была слишком блеклой и невыигрышной для экрана. Элегантность от Шанель – это элегантность простоты, обрамление женщины, она не должна бросаться в глаза. Тогда как актриса наоборот обязана сразу привлекать всеобщее внимание, в том числе и своим костюмом.

Впрочем, нельзя сказать, что Шанель съездила в Голливуд совсем уж зря. Во-первых она приобрела новых клиенток и даже подруг, причем еще каких – Грета Гарбо и Марлен Дитрих с тех пор не раз заказывали у нее наряды, а с ней самой поддерживали дружеские отношения. Плюс к тому, поработав на киностудии, Коко узнала, что такое фотогеничность, и как она важна для современной женщины и ее наряда. Это оказало большое влияние на ее дальнейшее творчество.

Сейчас молодые женщины одеваются то ли как клоуны, то ли как совсем маленькие девочки. Это неправильно. Мужчины не любят маленьких девочек, а если и полюбят, то потом задушат.

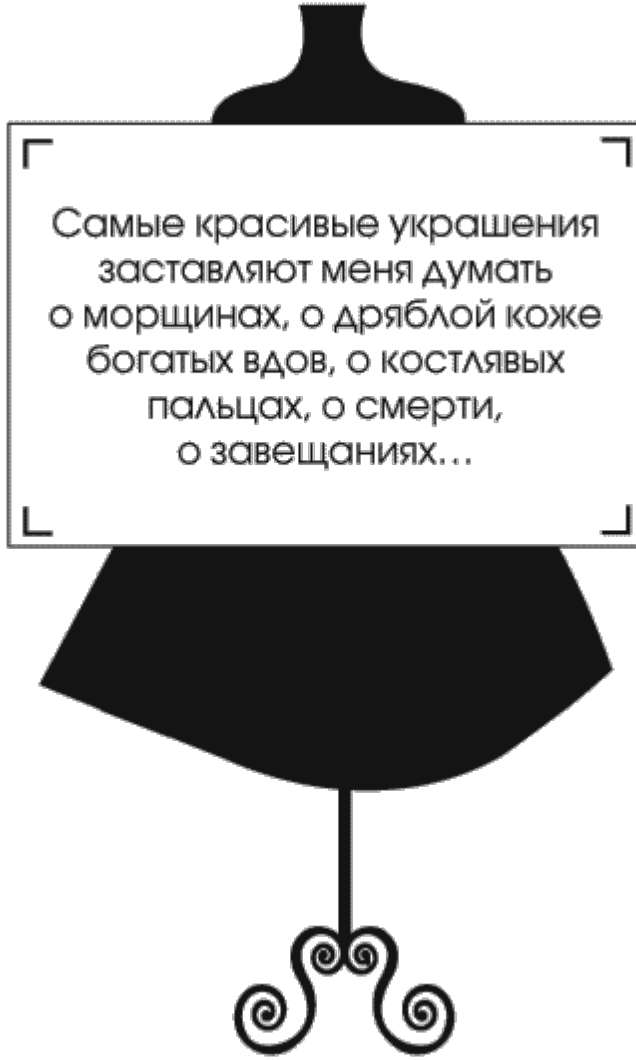
Коко Шанель терпеть не могла драгоценности и говорила, что носить бриллиантовое ожерелье – это все равно что обернуть вокруг шеи банковский чек.

Она была неистощима в насмешках над модницами, которым приходится каждый вечер снимать ожерелье и прятать его в сейф, а роскошные драгоценности, подаренные ей герцогом Вестминстерским надела пару раз, а потом просто разобрала на камушки.

При этом нельзя сказать, что она не любила украшения – ни в коем случае. Она их обожала, и на ней всегда было много ожерелий, браслетов, цепочек, серег. Что она ненавидела, так это драгоценности ради их стоимости, с ее точки зрения в украшениях, как и в одежде важнее всего была их функциональность. Ну а какова их главная функция? Конечно же, делать женщину красивее. И какая тогда разница, бриллианты это или блестящее стекло, если эффект один и тот же?

Руководствуясь этими принципами, Коко еще с 1922 года занималась изготовлением собственной линейки украшений, называя их фантазийной бижутерией. Для создания их она не прибегала к услугам профессиональных ювелиров, заявляя, что их творения нагоняют на нее скуку. Эскизы для ее бижутерии по ее указаниям рисовал сначала ее старый друг Этьен де Бомонт, потом герцог ди Веруда. Да и сама она любила сидеть у себя в салоне, обложившись коробками с настоящими и поддельными камнями, и составлять из них узор будущих украшений. На это пошли, кстати, и драгоценные рубины и изумруды из разобранных ею подарков герцога Вестминстерского.

Бриллианты служат
лишь свидетельством
богатства мужа или
любовника женщин,
которые их носят.


Самые красивые украшения
заставляют меня думать
о морщинах, о дряблой коже
богатых вдов, о костлявых
пальцах, о смерти,
о завещаниях…

7 ноября 1932 года Шанель устроила в своей квартире благотворительную выставку для избранных посетителей, на которой продемонстрировала созданные ею украшения.

Ничего подобного никто из них никогда прежде не видел. И дело было не только в том, что Коко, умевшая производить нужный эффект, велела поставить специальное непрямое освещение, благодаря которому драгоценные камни сверкали и переливались, ослепляя всех и разбрасывая разноцветные блики. Ее украшения поражали новаторством, новизной форм, способностью к превращению: браслеты могли стать манжетами, а колье легким движением руки трансформировалось в три браслета и брошь.

Инициатором этой выставки стал новый возлюбленный Коко

– талантливый и амбициозный стилист Поль Ириб, который и был автором эскизов большинства из этих украшений.

Все эти драгоценности не предназначались для продажи, они должны были только продемонстрировать зрителям новый стиль Шанель. А выручка от входных билетов, а также от продажи роскошных каталогов шла в пользу благотворительных организаций.

Имя Шанель вновь было у всех на устах. И многих интересовал вопрос – откуда такая перемена во взглядах?

Сама она объясняла свой неожиданный интерес к бриллиантам очень просто – с началом мирового кризиса бриллианты из украшения для снобов превратились в настоящую неподдельную роскошь и тем стали для нее ценны, ведь она всегда ненавидела пустое тщеславие и ценила дорогую естественную простоту… сколько бы та ни стоила.

Выбирая аксессуары,
снимите то, что надели
последним.

Принято считать,
что роскошь – это
противоположность нищеты.
Нет, роскошь – это
противоположность
вульгарности.

Роман Шанель с Полем Рибом начался в 1933 году, и как это ни удивительно, она сразу и очень сильно попала под его влияние.

Именно Ириб уговорил ее принять предложение Голдвина и поехать в Голливуд, он же подбил ее на устройство выставки драгоценностей, ради него она начала издавать собственную газету, которая не принесла ей ничего кроме убытков.

Впоследствии Коко вспоминала, что Поль Ириб был самым сложным из мужчин, которых она знала в своей жизни. Она никогда не могла понять, чего он на самом деле хочет. Например, однажды он упрекнул ее в том, что она погрязла в бессмысленном расточительстве – содержит огромный бесполезный особняк и целый штат прислуги. Коко тут же отказалась от дома, рассчитала всех слуг кроме горничной и переехала в маленькую тихую гостиницу. Но конечно Ириб опять остался недоволен – еще бы, с его-то любовью к роскоши – и Шанель опять поменяла место жительство, на сей раз переехав в отель «Ритц», ставший ее домом

на долгие годы.

Последняя любовь Коко Шанель закончилась неожиданно и трагически.

21 сентября 1935 года Поль Ириб приехал к своей знаменитой возлюбленной на ее виллу «Ла Пауза». Их роман был в самом разгаре, Мися даже утверждала, что после развода со второй женой Ириб собирается жениться на Коко. Они постоянно спорили, мирились, и великая Мадемуазель, которая прежде всегда и во всем могла настоять на своем, в очередной раз ему уступала.

Ириб увлек Шанель политикой – все ее знакомые замечали, что она стала чаще говорить о будущем устройстве мира, и в ее

словах слышался отголосок мыслей ее возлюбленного.

Странные у них были отношения, но главное, что оба – и Шанель, и Ириб – были счастливы. Они вели оживленную светскую жизнь, ездили в гости, а потом отдыхали на прекрасной вилле «Ла Пауза», которую оба очень любили.

И вот 21 сентября Ириб как обычно приехал к Коко. Но на сей раз их идиллия вдруг прервалась – они собирались пойти играть в теннис, когда Поль Ириб вдруг схватился за грудь и упал… Через несколько часов он умер в клинике, так и не придя в сознание.

Ее друзья вспоминали, что Шанель тогда вновь замолчала, как уже было один раз, после смерти Кейпела. Она страдала, но не произносила ни слова, словно потеряла дар речи. Вывела ее из этого состояния только Мися, примчавшаяся сразу, как только ей сообщили о трагедии.

Все, кто хорошо знал Коко, говорили, что после смерти Ириба она сильно изменилась. Кажется, она просто перестала верить в будущее и смирилась со своим вечным и безнадежным одиночеством…

Если вы окажетесь
на самом дне горя,
если у вас не останется
вообще ничего, ни одной
живой души вокруг,
у вас всегда есть дверь,
в которую вы можете
постучаться… Это – работа!

В 1936 году, когда Шанель пыталась найти спасение от своего горя в работе, в ее жизнь неожиданно вмешалась политика.

Весной 1936 года на выборах победу одержали левые партии. Глава социалистов Леон Блюм в июне сформировал правительство Народного фронта. Профсоюзы подняли головы, увидев в этой победе возможность наконец отвоевать то, что уже было у рабочих многих других стран – оплачиваемые отпуска, сорокачасовую рабочую неделю и коллективные договоры. В Париже многие дорогие магазины и модные дома просто-напросто закрылись в ожидании более спокойных времен.

Шанель закрывать свой бутик не собиралась, но к ее изумлению и возмущению это сделали работницы ее фирмы. Делегация работниц пришла в «Ритц» – Коко их не приняла, тогда они в свою очередь преградили ей дорогу в ее собственный магазин на рю Камбон.

Коко была в ярости.

Вместо переговоров она ответила увольнением трехсот работниц. Те не двинулись с места, видимо понимая свою силу – приближалось время предосенней коллекции, и сейчас они были нужны Шанель не меньше, чем она им.

В конце концов Коко пришлось уступить и согласиться на часть требований – она не могла позволить себе пропустить показ коллекции и уступить верховенство в моде своей главной конкурентке Эльзе Скиапарелли. Торжествующие девушки вышли на работу, и дом Шанель снова открылся.

Настоящая щедрость
состоит в том, чтобы
не замечать
неблагодарности.

Никто меня ничему
не учил. Я всегда
училась сама.

Впрочем, куда больше чем забастовки в 30-е годы Шанель беспокоила выросшая конкуренция в мире моды.

Как ни велика была слава Шанель, остаться единоличным лидером модельного дела ей не удалось. Стоило ей окончательно победить Поля Пуаре, как подросла целая плеяда молодых кутюрье, уже наступающих великой Мадемуазель на пятки.

И самой значительной из них была блистательная итальянка Эльза Скиапарелли – аристократка и светская львица, которая после развода обосновалась в Париже и занялась там модельным бизнесом. В 1935 году она открыла свой бутик в доме номер 21 по Вандомской площади, буквально по соседству с Шанель, и

открыто объявила, что собирается составить ей конкуренцию, а потом и вовсе вытеснить с модного Олимпа.

Эксцентричная, энергичная, черпающая вдохновение в эстетике сюрреалистов, Эльза Скиапарелли быстро приобрела немало поклонников своего творчества. Все осложнялось тем, что ее целевой аудиторией был тот же тип женщин, на который работала и Коко, поэтому конкуренция между консервативной элегантностью Шанель и радикальной эксцентричностью Скиапарелли развернулась не на жизнь, а на смерть. Коко даже имя соперницы никогда не произносила, упрямо продолжая называть ее просто «итальянкой».

Забавно, но через несколько лет Коко будет вспоминать эти времена с ностальгией – времена, когда в моде господствовали женщины, в которых она по прошествии десятилетия видела уже не соперниц, а практически союзниц против мужчин-модельеров.

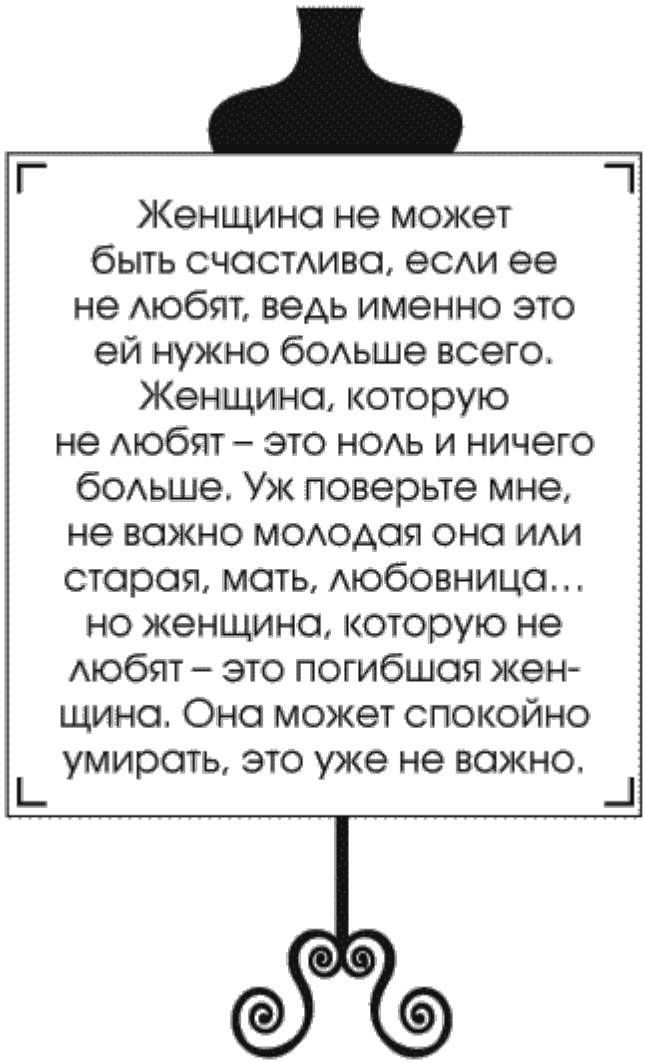
После смерти Ириба, Коко распрощалась с мыслями о большой любви и долгой счастливой жизни с любимым.

Но совсем на себе крест ставить она не собиралась и нашла небольшое утешение в коротком романе с Лукино Висконти.

Будущая легенда мирового кинематографа представляла из себя в то время тридцатилетнего молодого человека, еще никому не известного, но энергичного и честолюбивого. Висконти познакомился с горько переживающей свою потерю Коко Шанель, был ею искренне очарован, несмотря на более чем двадцатилетнюю разницу в возрасте, и приложил все усилия, чтобы тоже ее очаровать. Как он сам говорил, он нашел в ней

редкое сочетание женской красоты, мужского ума и фантастической энергии, перед которым не смог устоять.

Роман не продлился долго, они по обоюдному согласию перевели отношения в дружеские и сумели сохранить эту дружбу до самой смерти.


Женщина не может
быть счастлива, если ее
не любят, ведь именно это
ей нужно больше всего.
Женщина, которую
не любят – это ноль и ничего
больше. Уж поверьте мне,
не важно молодая она или
старая, мать, любовница…
но женщина, которую не
любят – это погибшая жен-
щина. Она может спокойно
умирать, это уже не важно.

1 сентября 1939 года немецкие войска вторглись в Польшу. Началась Вторая Мировая война. Через несколько дней Коко Шанель впервые закрыла свой модный дом.

Сказать по правде, никто до сих пор толком не знает, что заставило ее принять такое радикальное решение. Франция не

слишком охотно вступила в эту войну – не на них же напали. Мобилизация шла ни шатко, ни валко, никто никуда не бежал, не пытался скрыться, как это было в Первую Мировую. А ведь тогда, четверть века назад, как раз Коко была единственной из модельеров, кто продолжал работать в период всеобщей паники и растерянности. Почему же она закрыла свое ателье в 1939 году?

Злые языки болтали, что это была ее месть работницам, которые в 1936 году заставили ее отступить и согласиться на их требования. Теперь они все остались без работы. Но Шанель лишь пожимала плечами, слушая нападки профсоюзных лидеров – таких опытных работниц конкуренты с руками оторвут. Да, платить будут меньше, но это уже их проблемы.

Еще больше смешили ее обвинения в дезертирстве. Чем она могла помочь французской армии? Сшить для них форму? Ну так для этого есть конкуренты, которые будут счастливы принять такой заказ, если он конечно вообще будет.

Уже после войны она говорила: «Как можно было предполагать, что найдутся люди, которые будут покупать платья?.. Мне казалось это невозможным… Ну что же, я ошиблась… Это послужит мне уроком. Что бы теперь ни случилось, буду делать свои платья. Верю теперь только в мою работу».

В том же 1939 году, закрыв свой дом моделей, Шанель сообщила обоим своим братьям, Люсьену и Альфонсу, что больше не будет их содержать.

Их семья развалилась давным-давно, после смерти матери и бегства отца. И если с сестрами Коко все-таки выросла в одном приюте, то братьев она не видела много лет. Однако, став богатой, она разыскала их и помогла им вырваться из бедности.

Наследственность это или прихотливая игра судьбы, но оба ее брата стали ярмарочными торговцами, как их отец и дед. Шанель дала им достаточно денег, чтобы они бросили это трудное и не слишком прибыльное занятие. Люсьену она оплатила постройку дома, Альфонсу купила кафе, и обоим посылала ежемесячную ренту. Но с началом войны она

безжалостно написала обоим, что ее дело пришлось закрыть, у нее самой серьезные денежные затруднения, поэтому рента прекращается.

Конечно, она не была настолько разорена, чтобы помощь братьям легла на нее тяжким бременем. Но чувствовала она себя крайне неуверенно. Теперь деньги ей шли только от продаж духов «Шанель № 5», да и за них ей пришлось несколько лет судиться.

Да и насчет братьев Коко не питала никаких иллюзий – она прекрасно знала, что они любят не ее, а деньги, которые можно от нее получить. Поэтому ее решение было окончательным. Кстати, сына своей покойной старшей сестры Джулии Коко не прекратила поддерживать даже в самые трудные для нее годы. Она заботилась о нем с детства, выучила его в лучшем английском колледже и даже подарила ему замок. В какой-то степени он был ее ребенком, ведь хоть и не она его родила, но зато она его воспитала. Для нее он был родным человеком, а не просто льстивым нахлебником, как братья.

Легкомысленное отношение к войне дорого обошлось Франции – в 1940 году ее армия была разбита, и наконец очнувшиеся французы массово побежали на юг. Поддавшись всеобщей панике, Шанель тоже покинула Париж.

Она поселилась в По, где несколько дней промаялась от скуки и неизвестности, после чего стала уже думать, что совершила глупость и зря уехала из Парижа.

В июне маршал Петен подписал перемирие с немцами. Светская публика стала возвращаться в столицу, решила вернуться и Коко. По дороге в Париж она остановилась в Виши, где ее поразили веселящаяся публика, дамы в модных шляпах, шампанское – казалось, светский сезон в самом разгаре, а никакой войны нет и в помине.

В Париже выяснилось, что отель «Ритц», где она жила, занят немцами. Правда, вещи Коко не тронули, и более того – какой-то немецкий генерал, узнав, что она та самая знаменитая Шанель, приказал, чтобы ей выделили в отеле номер. Правда, не такой большой, как она привыкла, но сейчас ей большего было и не нужно, ведь она удалилась от дел и собиралась вести тихий замкнутый образ жизни.

Осенью 1940 года умирающая от скуки и безделья Шанель познакомилась с немецким дипломатом Гансом фон Динклаге. У них начался роман, который продлился почти десять лет.

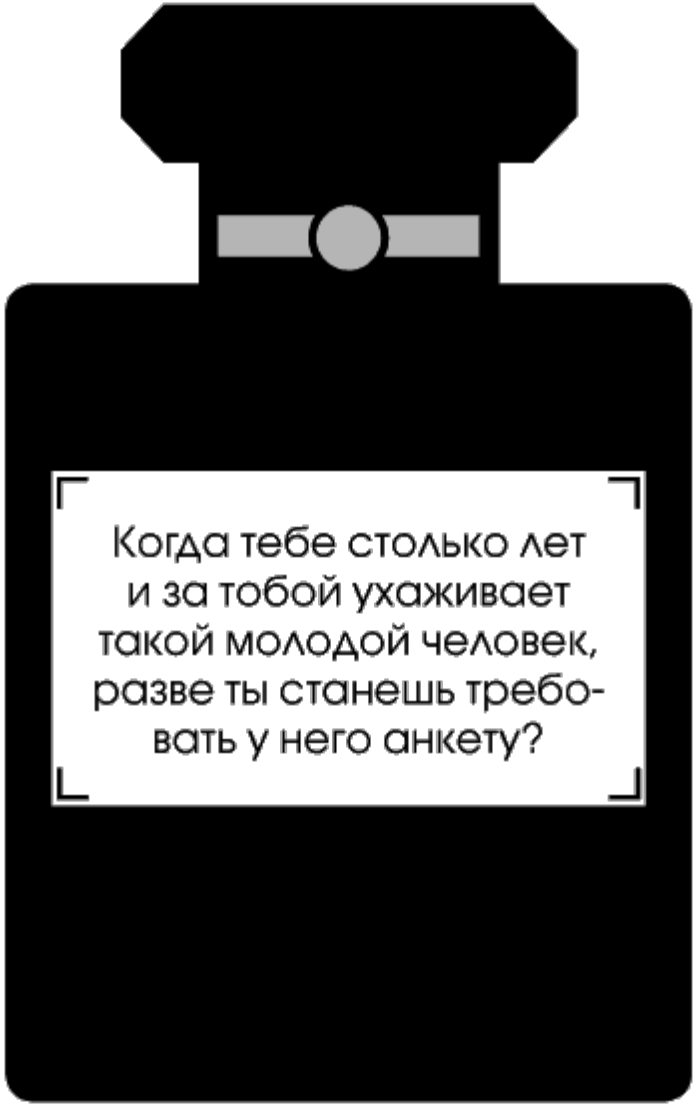
Вообще-то они уже не раз встречались, но прежде это было обычное поверхностное полузнакомство. Коко вспомнила о нем, когда ее племянник попал в плен в июне 1940 года, и обратилась к Динклаге с просьбой похлопотать за ее родственника.

Так началось их повторное знакомство, перетекшее в длительный роман, за который Коко потом много лет упрекали, обвиняя ее в предательстве родины. Она этих упреков совершенно не понимала, отвечая на них, как отвечала знаменитая актриса

Арлетти, которую укоряли в связи с немцем: «Так не надо было их сюда пускать». Ей казалось смешным, что кто-то может видеть в ее романе с мужчиной на десять лет ее моложе какую-то политическую подоплеку.

В любом случае, свою связь они не афишировали. Они никуда не ходили вместе, не появлялись в свете, встречались либо у нее дома, либо на вилле «Ла Пауза». И не потому, что боялись осуждения, нет, просто Коко уже давно разлюбила активную светскую жизнь, а Динклаге опасался, что слишком громкий роман привлечет к нему излишнее внимание начальства, и его могут отправить на Восточный фронт, подальше от возможного скандала.

Но хоть они и вели себя тихо, все равно весь Париж знал об их романе. И после войны это могло Коко очень дорого обойтись…


Когда тебе столько лет
и за тобой ухаживает
такой молодой человек,
разве ты станешь требо-
вать у него анкету?

Старость не защищает от
любви, но любовь защищает
от старости.

В 1944 году, вскоре после освобождения Парижа, Шанель была арестована комитетом по чистке за связь с немецкими оккупантами.

К ней, как и ко многим, кто так или иначе общался с немцами, пришли два молодых человека с револьверами, вывели из отеля, посадили в машину и увезли в неизвестном направлении. Что за комитет ее арестовал, кто его возглавлял, какие обвинения ей предъявлялись – остается только гадать. Известно лишь одно – Шанель отпустили в тот же день. Не успели ее слуги испугаться, как она была уже дома.

Странно, необычно и подозрительно. Другие известные люди, обвиненные в коллаборационизме, отделывались отнюдь не так легко.

А вот Шанель отпустили сразу же, и даже счета ее не арестовали. Почему? Сама она никогда и никому об этом не рассказывала, но наиболее вероятный вариант – мощная протекция. Так быстро вырваться из рук фанатичных «чистильщиков» ей не помогли бы даже деньги, значит должен был вмешаться кто-то достаточно могущественный, чтобы ему не посмели возражать. Кто это был? Возможно, герцог Вестминстерский, а может быть и сам Уинстон Черчилль, кого еще послушались бы так быстро и даже не посмели возражать.

Но только ли из старой дружбы оба этих государственных деятеля могли помочь Коко? Или у них были более серьезные причины?

Святой в обществе так же
бесполезен, как в пустыне.
Но если в пустыне святые
просто бесполезны, то в об-
ществе они часто опасны.

В 1943 году Вальтер Шелленберг, руководитель военной разведки Третьего Рейха, провел тайную операцию «Modellhut» («Модная шляпка»), целью которой была попытка заключить сепаратный мир с Англией. Казалось бы, при чем тут Шанель?

Легко догадаться, что название эта операция получила не просто так. В 1943 году Коко Шанель, до того старавшаяся не слишком проявлять себя и тем более не афишировать свой роман с Гансом фон Динклаге, неожиданно стала очень активно разъезжать по Европе и общаться с некоторыми влиятельными людьми. После разговора с ней, друг Динклаге, Теодор Момм, срочно отправился в Берлин, где долго беседовал с Шелленбергом. После этого немецкие оккупационные власти выдали Шанель пропуск, с которым она поехала в Мадрид, где как раз лечился ее старый друг Уинстон Черчилль. С ним самим ей встретиться не удалось – официально потому что он был очень болен, а неофициально – скорее всего дело было в том, что он не хотел с ней встречаться и ее выслушивать.

Шанель вернулась в Париж, удрученная неудачей, но не успокоилась, а съездила еще и в Берлин, где пообщалась с Шелленбергом уже лично. О чем они говорили – так и осталось тайной. Известно только, что после смерти Шелленберга из его мемуаров были изъято все, что касалось переговоров о сепаратном мире, а также информация об этой встрече с Шанель.

В 1947 году, в период своего формального бездействия, Шанель выиграла свою собственную войну, победа в которой навсегда сделала ее богатой и независимой.

Началось все в 1924 году, когда талантливые дельцы братья Вертхеймеры предложили Коко создать АО «Парфюм Шанель», которое займется продажей ее духов по всему миру. Она согласилась, и это предприятие стало владельцем всех марок, формул и способов производства. Коко получила статус президента акционерного общества, 10 % акций и 10 % дохода со всех филиалов за границей.

Но вскоре она поняла, как ее провели – «Шанель № 5» оказались настоящей золотой жилой, от которой ей доставались жалкие 10 %. Она получала смехотворные пять тысяч долларов в

год с дела, которое приносило миллионы.

Она пришла в ярость. Теперь победа стала для нее делом чести. И тогда Коко сделала ответный ход, заставивший противников вспомнить, что они имеют дело не просто с усталой пожилой женщиной, а с женщиной, уже не раз перевернувшей мир. Она переделала духи. Были приготовлены десятки флаконов с этикетками «№ 5», «Буа дез Иль», «Рю Камбон № 31» – без имени Шанель, но все равно узнаваемыми. И Коко раздарила их владельцам больших нью-йоркских парфюмерных магазинов.

Вертхеймерам ничего не оставалось, как предложить мировое соглашение.

Коко получила все, чего добивалась – права использовать собственное имя в парфюме, огромную денежную компенсацию и 2 % с продажи каждого флакона своих духов по всему миру. Сразу после подписания договора она сказала своему адвокату: «Теперь у меня уже нет необходимости работать».

Вынужденная уехать из Франции, Шанель снова умирала от

скуки, на сей раз в Швейцарии, среди прекрасных лесов, холмов и озер. И тогда, чтобы развеять тоску, она решила сесть за мемуары.

Но Шанель не была бы собой, если бы не подошла к этому делу с той же основательностью, с которой она бралась за все остальное. Она знала свои достоинства и недостатки и прекрасно понимала, что литературным талантом особо не блещет. Ну а ее знаменитые афоризмы ей помогал оттачивать ее старый друг Реверди. Так может к нему и стоило обратиться? Но нет, Коко эту мысль сразу же отбросила. Во-первых, это должны быть ее мемуары, а Реверди конечно же будет диктовать ей не только как писать, но и что писать. А во-вторых, он слишком заинтересованное лицо, часть ее жизни, с ним она не может быть откровенной, а что еще хуже – не сможет ему лгать. Тут все же нужен кто-то посторонний.

Но первую попытку Коко все же сделала с человеком хорошо ей знакомым. В 1946 году она попросила о помощи Поля Морана – известного писателя и своего старого друга. Тот согласился помочь ей вспомнить прошлое, а может и облечь кое-что из мыслей в слова.

Что из этого получилось? Трудно сказать. Уже после смерти Коко Моран выпустил книгу «Аромат Шанель», которую в какой-то степени можно назвать ее мемуарами. Это то, что Коко рассказывала ему, а он записывал, не пытаясь придать ее воспоминаниям более литературную форму. Это ее слова – едкие, злые, меткие.

В 1947 году Шанель познакомилась с писательницей Луизой де Вильморен и вновь сделала попытку написать мемуары.

В начале 1948 года мемуары были готовы, и Шанель отвезла их нью-йоркскому издателю, уверенная, что их с руками оторвут, а потом еще и экранизируют. Но ее постигло жестокое разочарование – американские издатели отнеслись к их с Луизой творению более чем скептически.

В чем было дело? Причин вероятнее всего было две, но обе они вытекали из того, что Шанель написала не мемуары, а свою легенду. Легенду о девочке из хорошей семьи, отец которой уехал

в Америку, а ее оставил на воспитание теткам.

В результате, мемуары во-первых получились скучными, а во-вторых, им просто не поверили. Американские издатели были не так глупы, чтобы не понять, что им пытаются продать откровенное вранье. На этот раз известность Шанель сыграла против нее – о ней было известно слишком много, чтобы можно было вот так просто одурачить всех ее легендой.

Раздраженная Коко конечно же не желала это признавать и обвинила в провале Луизу, заявив, что та не сумела подать ее воспоминания так, чтобы они понравились издателям.

Полтора года спустя она сделала новую попытку, на этот раз обратившись к журналисту и писателю Мишелю Деону. Потом были Гастон Бонэр, Жорж Кессель… Но результат был тот же самый. Да и каким он еще мог быть, если Шанель по-прежнему хотела написать не свою реальную биографию, а выдумку…

Могла ли Шанель навсегда бросить модельное дело? Конечно нет. Рано или поздно должен был прийти момент, когда она решит вернуться.

В 1953 году Коко исполнилось семьдесят. Вот уже четырнадцать лет, как она отошла от модельного бизнеса. Она долго жила в Швейцарии, растеряла многих друзей, ее былая слава померкла, и только духи «Шанель № 5» напоминали о ее былом величии.

Да и в моде теперь царствовали мужчины. Пришло время «нью лука», вернувшего в женский костюм практически все, что Шанель столько лет искореняла. Коко с ужасом листала модные

журналы и язвила в своей обычной манере, утверждая, что мужчины-модельеры видимо ненавидят реальных женщин, поэтому творят для каких-то манекенов. Она рассказывала, как одна манекенщица пожаловалась, что не может поднять руки в модном платье, а ей на это ответили, что платье сшито не для того, чтобы поднимать в нем руки.

В 1953 году она гостила в Нью-Йорке у своей подруги Мэгги Ван Зейлен, дочь которой, будущая баронесса Ротшильд, как раз собиралась на бал дебютанток. Когда девушка с гордостью продемонстрировала Коко свое бальное платье, та откровенно ужаснулась, а потом, чтобы та не расстраивалась, сделала для нее другое платье из попавшейся ей на глаза красной занавески.

Впоследствии баронесса Ротшильд с гордостью говорила, что именно благодаря ее платью Шанель решила вернуться в модельный бизнес – ведь на балу все пришли в восторг и начали выспрашивать адрес портнихи.

Если женщина поразила вас своей красотой, но вы не можете вспомнить, во что она была одета, значит она была одета идеально.
Кутюрье забыли, что внутри их платьев находятся женщины!

5 февраля 1954 года Коко Шанель после пятнадцатилетнего перерыва представила свою новую коллекцию.

Весь Париж рвался на этот показ, там были журналисты от всех ведущих журналов, представители покупателей, аристократы, богема и конечно же конкуренты. Все ждали, что покажет бывшая королева моды.

Дефиле прошло в гробовом молчании. Публика даже почти не аплодировала, настолько ее потрясла и разочаровала показанная коллекция, в которой не было ничего от популярного «нью лука». Скромные простые костюмы из недорогих тканей показались всем блеклыми, скучными и ужасно старомодными.

Это был провал.

Сама Шанель к гостям даже не вышла. Она заперлась у себя, пережила свой провал в одиночестве, а потом сказала своим друзьям и помощникам: «Ничего. Мы начнем все сначала».

Один из знаменитых критиков на следующий день после дефиле написал в своем отчете: «Журналисты уходили грустные и удрученные, комиссионеры – серьезно озабоченные. После первого же платья стало ясно, что стиль Шанель принадлежит ушедшим временам… Там, где должно было быть поставлено на карту будущее, увидели лишь разочаровывающий отблеск прошлого, в котором исчезал надменный маленький черный силуэт».

Никогда еще весь модный Париж так не ошибался. Для того, чтобы понять, что это был не провал, а триумф, понадобилось всего несколько недель.

Через семь лет тот же критик написал книгу, в котором назвал возвращение Шанель в 1954 году историческим событием и переворотом в мире моды, а ее саму – гордостью Франции.

Модельер должен уметь предвидеть будущее даже лучше, чем президент страны. Его дар состоит в том, чтобы зимой создавать летние платья, и наоборот. Когда его клиенты летом загорают на пляже, он уже думает о снеге и морозе.

Париж не принял новую коллекцию Шанель. Но в 1954 году понравиться Парижу было уже не так важно. Главное – ее приняла Америка.

Одной из первых поклонниц новой моды, предложенной Коко, стала Беттина Баллард, главный редактор журнала «Вог». Она тут же приобрела один из костюмов и пришла в нем на выставку моды в Нью-Йорке.

И вот там его оценили по достоинству. Через полгода все Соединенные Штаты одевались от Шанель. Журнал «Лайф» писал: «Женщина, чье имя носят самые знаменитые духи в мире «Шанель № 5», может быть, совершила свое возвращение несколько преждевременно, но она уже влияет на всех и вся. В семьдесят один год она принесла больше чем новую моду – она совершила

революцию».

В чем же было дело? Сама Коко говорила, что кутюрье слишком много о себе возомнили – они считают, что одних только их знаменитых имен достаточно, чтобы все желали носить их одежду, а вот о самой одежде они думают крайне мало. Американкам требовалась новая мода – элегантная и удобная одновременно. Такая, какую предложила им Шанель.

Ну и наконец решающую роль сыграло то, что наряды из новой коллекции Коко, были так просты, что их легко было запустить в серийное производство. В США быстро сложился новый образ элегантной современной женщины – в костюме от Шанель и надушенной ее же знаменитыми духами.

Ну а Европа… скоро последовала за Америкой. Победа Коко была полной.

Со смерти великой Мадемуазель Шанель прошли уже десятилетия, но три ее творения остаются все такими же популярными и, вероятно, не умрут никогда – это «Шанель № 5», маленькое черное платье и дамский костюм.

В 1955 году, когда она представляла публике свою третью коллекцию после возвращения в мир моды, на подиум вышли манекенщицы в удобных костюмах из джерси, с юбкой до колена – достаточно узкой, чтобы выглядеть элегантно, и достаточно широкой, чтобы было удобно ходить. Короткий жакет не стеснял движений, отделка из тесьмы придавала нарядный вид. Коко убрала подкладку, которая раньше была обязательной в

костюмах, и благодаря этому ткань стала красиво облегать тело. Окончательный вариант костюма от Шанель закрепился, когда Коко кроме джерси стала использовать твид.

Американские предприниматели встретили этот костюм на ура. Коко продала им права на копирование, и швейные фабрики начали выпускать такие наряды тысячами – от дорогих и почти точь-в-точь настоящих до простеньких и дешевых. Что ж… Шанель была не против. Она всегда любила, когда мода, по ее выражению «выходила на улицы».

Не прошло и трех лет, как дамский костюм от Шанель стал обязательным для гардероба любой современной женщины. Его носили многие женщины-легенды, такие как Джеки Кеннеди, Грейс Келли, Роми Шнайдер. Носят его и сейчас. В шкафу каждой женщины обязательно найдется если не сам костюм в стиле Шанель, то один из его «потомков» – переиначенный, осовремененный, но все равно отлично узнаваемый.

Шанель не выходит из моды. Стиль существует, пока он соответствует своей эпохе. Когда возникает противоречие между модой и духом времени, всегда проигрывает мода.

Коко Шанель умерла в «Ритце» 10 января 1971 года.

Незадолго до смерти она сказала: «Если я буду умирать, увезите меня в Швейцарию. Посадите в автомобиль между собой. Если вас спросят на границе, скажите: это Мадемуазель Шанель, она впала в детство, не обращайте на нее внимания».

В смерть Шанель никто не мог поначалу поверить – ее друг Марсель Эдрих писал, что у него то и дело спрашивали: «Она действительно умерла?» Кстати, последние годы ее многие именно так и называли – уже не Шанель и даже не Мадемуазель, а просто Она. Все словно забыли, что Коко была не только живой

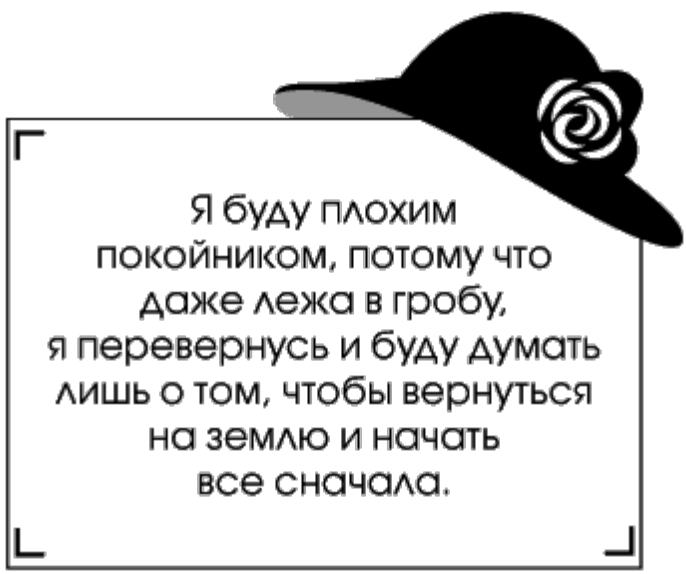
легендой, но еще и старой женщиной, чье время постепенно истекало. Она казалась людям практически бессмертной.

Но сама Шанель знала, что не вечна. И еще в 1965 году составила завещание, по которому оставила все своему фонду, занимавшемуся выплатой пособий ее старым слугам, ушедшим на покой служащим и нуждающимся друзьям, а также помогал молодым художникам. Никто из них не должен был пострадать от ее смерти.

Похоронили Коко в Лозанне – если ей не удалось там умереть, то по крайней мере она нашла там место последнего упокоения, как и хотела. При жизни она предпочитала бурлящую жизнью Францию, но уснуть вечным сном пожелала именно в Швейцарии, где чувствовала себя спокойной и защищенной.

Оплакивали ее искренне. Друзья, работники и манекенщицы дома Шанель, клиенты и даже конкуренты. Когда она ушла, в их жизни словно образовалась пустота, которую нескоро удалось заполнить. Она была слишком великой – маленькая худенькая женщина, изменившая мир.

Коко Шанель.



Моды больше не существует, потому что ее придумывают для нескольких сотен людей. А я создала стиль для целого мира. В журналах пишут «стиль Шанель». О других ничего подобного не пишут.

Раньше у каждого Дома был
свой стиль. Я создала свой.
И не могу от него отказаться.